

МОЯ ПОДРУГА ВСЕГДА ПРОТИВ

МИЛ МИЛЛИНГТОН

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

2 000 000 человек уже прочитали эту книгу

Мил Миллингтон

Моя подруга всегда против

2002

Миллингтон М.

Моя подруга всегда против / М. Миллингтон — 2002

Вы когда-нибудь спорили со своей половиной до хрипоты в голосе? Нет?! Что, и дверью не хлопали никогда, не найдя аргумента? Ну тогда, вам вряд ли стоит читать эту книгу. Остальным же настоятельно рекомендуется, поскольку «Моя подруга всегда против» – настоящая энциклопедия взаимоотношений мужчин и женщин, которые, как давно известно, прилетели с разных планет. А еще это острейшая комедия о нашей жизни, правдоподобная до оторопи и смешная до колик. Жизнь Пэла устоялась. Маленький домик, пара смышленных деток, подруга жизни немецкого происхождения и работа не бей лежачего. Урсула с Пэлом ведут бесконечную словесную битву, парочка не согласна буквально во всем, но это лишь издержки счастливой жизни. Которая в одночасье меняется, когда босс Пэла внезапно исчезает, и тому приходится занять его место. Тут-то и выясняется, что мир буквально переполнен вещами, которые запросто могут свести вас с ума, а дразги с любимой женщиной – это воплощенный рай... У комедии «Моя подруга всегда против» довольно необычная судьба. Еще до того, как книга была издана, ее прочитало, ни много, ни мало, два миллиона человек. В течение нескольких лет журналист вел Мил Миллингтон интернет-дневник своих отношений с подругой, который стал настоящим бестселлером всемирной паутины.

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	5
Тонкий красный луч	6
Уборщице не понравится – к гадалке не ходи	12
Главное – правильно выбрать район	18
А настоящую печь украсть слабо?	27
Почти настоящая карьера	33
Правильные телодвижения	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мил Миллингтон

Моя подруга всегда против

Посвящается Маргрет

БЛАГОДАРНОСТИ

Разумеется, сначала мне хотелось бы поблагодарить Сидни и Эйлин Миллингтон, которые, как недавно выяснила наука, оказались самыми лучшими на свете родителями.

За ними следует Ханна Гриффите – лит-агент по профессии, балдежница по призванию, – я бы отдал десять процентов гонорара только за возможность зависать вместе.

Уважительный кивок мистеру Джонатану Нэшу, на чьем примере я постоянно учусь не сдаваться. Джонатан – веселый и умный, он без усталости хлопотал в поисках приюта для слепых животных, где из них потом делали дешевый изоляционный материал и пирожки с мясом на экспорт за пределы ЕС.

Наконец, огромное спасибо моей названной сестре и фее Хелен Гарнонс-Уильяме, чудесной издательнице, прекрасному человеку, продвинутому, пусть и не главному в мире, историку рок-н-ролла.

Тонкий красный луч

– Куда, черт возьми, подевались ключи?

Ну вот. Уже опаздываю. А десять минут назад у меня был вагон времени.

Я болтался без дела в промежутке между «рано» и «поздно», выдумывая одно за другим пустяковые и никчемные занятия, добродетельно сопротивляясь зуду самовольно приблизить заветное «пора». Дети, миглом смекнувшие, что на несколько минут я обречен бессмысленно и бесприютно топтать землю, тотчас прилепились к моим ногам – по одному к каждой. И я ходил по дому, волоча ноги, словно на них были башмаки на магнитных подошвах, а мелюзга, подыхая от хохота, брызжа слюнями, палила друг в друга из пальцев-пистолетов, укрывшись за моими голеньями, как за колоннами.

А через каких-то десять минут меня трясло в лихорадке опаздывающего. И виной тому были вовсе не дети, но ключи от машины; вернее, ответственный за них – моя подруга Урсула.

– Ну куда, черт побери, куда подевались ключи? – прокричал я в очередной раз с лестницы.

Разум давно покинул меня. Я беспорядочно шарил там, где ключи уж никак не могли заваляться. Проверив все эти невозможные места, я прочесал их по второму кругу – на случай, если в первый раз меня поразила истерическая слепота.

Задышавшись от изнеможения, глянул через перила, попросил мелюзгу отцепиться и проверил в третий раз. На подходе была последняя стадия бешенства, когда поиски сводятся к распотрошенным подушкам, развороченным половицам и обращенным в труху гипскартонным перегородкам.

Так и не добившись успеха, я кубарем скатился по лестнице на кухню, где Урсула, укрывшись в коконе невозмутимого безразличия, неторопливо заваривала в кружке чай.

– Ну? – буквально выплюнул я, так меня трясло.

– Что – ну?

– А как думаешь – что? Я тебя уже в третий раз спрашиваю!

– Я не слышала, Пэл. Тут радио работает.

Урсула кивнула на карманный приемник, бубнивший на полке.

– Оно тебя оглушило, да? Где чертовы ключи от машины?!

– Там, где всегда.

– Убью!!!

– Меня? Не думаю, что получится. – Урсула выдержала театральную паузу, медленно размешивая молоко в чае. – Во всяком случае, выхлопными газами меня не одолеешь.

– Р-р-р-р!

И еще одно «р-р-р-р!», чтобы до конца очистить организм от всякой скверны. Вот теперь можно и продолжить спор – с чувством и со вкусом.

– Похоже, ты уверена, что я не смотрел там, где они обычно лежат. Господи, ведь это так пошло – искать ключи там, где они должны быть! Однако, золотце мое, чтобы мы могли вздохнуть над моей глупой наивностью, скажи, наконец: ГДЕ КЛЮЧИ ОТ МАШИНЫ? ГДЕ ЭТО ТАМ-ГДЕ-ВСЕГДА?!

– В прихожей. На полке за лампой из вулканического стекла.

– По-твоему, они *всегда* там лежат? Ты не находишь противоречия в том, что «всегда» – странное слово для обозначения места, в котором ключи до сегодняшнего дня ни разу не лежали?

– Я каждый день их туда кладу.

Я кинулся в прихожую, цапнул ключи и бросился к двери, на ходу судорожно натягивая пиджак. Рука, торопливо нашаривая рукав, взметнулась вверх, как у первоклашки-отличника.

– Наглая, беспардонная ложь!

Секунда – и моя вторая рука захлопнула входную дверь, но Урсула успела-таки крикнуть вслед:

– Хлеба купи!

Часы показывали 9-17.

История, в обманчиво спокойное русло которой вы только что ступили, трагедией не является. Спросите, откуда я знаю? Трагедия – это история о человеке, который носит в себе семена собственной гибели. Я же нахожусь в совершенно иной ситуации – семена моей гибели носит в себе кто угодно, но только не я. А я просто стараюсь высовываться поменьше и надеюсь, что карты лягут поудачнее, – большего мне и не надо. Поэтому технически моя история на трагедию не тянет.

Однако не будем забегать вперед. Ткнем пальцем в любой день календаря – почему бы и нет? – и начнем вместе со мной обычное воскресенье, сразу после того дня, что был отмечен утренней победой в схватке за ключи. Ни малейших предчувствий грядущих событий – ну разве что носится в воздухе нечто неуловимое. Прискорбные случайности не загромаждают мою жизнь – полный штиль.

– Пап, ходим на «Лазерные войны»?

– Джонатан, сейчас полседьмого утра, «Лазерные войны» еще закрыты.

– Папа ходит с вами на «Лазерные войны», после того как подстрижет газон.

Значит, сегодня я стрижу газон. Во как!

– Газон! Газон! – Питер прыгает на кровати, с каждым прыжком подбираясь все ближе к моим гениталиям.

– Пап, иди стриги газон. Ну, давай скорей! – командует Джонатан.

«Скорей» не получится. Наша газонокосилка питается не столько электричеством или бензином, сколько моим потом. Урсула настояла – она т природы настойчивая – на покупке допотопного тяжеленного железного монстра, изобретенного еще во времена Диккенса для приобщения узников долговой тюрьмы к христианским ценностям. Эта штуковина, видите ли, экологически чище, чем косилки на природном топливе, предохраняющие работника от грыжи. Почему-то всегда так-то, что хорошо для экологии, для меня – смерть.

Тем не менее... Надсадно хрипя, я сражаюсь с травой, дети вертятся вокруг и хохочут, не обращая внимания на угрозу остаться без ног, подруга предлагает заварить чаю, когда я закончу работу (в смысле, чтобы я *для нее* заварил чай), – чем не образчик семейной идиллии? Человек никогда не ценит прозу жизни, пока ей вдруг не наступит конец.

– Закончил?

Урсула наблюдала из окна, как я прислонил косилку к забору, направился к дому, перехватил ее взгляд, вернулся, уныло очистил ножи и шестерни от намотавшейся травы, направился к дому, перехватил ее взгляд, вернулся, смел обрезки травы в кучку и высыпал в мусорный бак и, наконец, с решительным видом вошел в дом.

– Да, закончил.

– Значит, подравнивать секатором не будешь?

– Совершенно верно. Ты правильно понимаешь значение слова «закончил».

– Вечно одно и то же. Если начал работу, почему не сделать ее как следует?

– Потому что так проще.

Телефонный звонок избавляет Урсулу от позора – ведь ей нечего возразить на столь весомый аргумент, – и она пулей уносится к телефону. Внезапно дела принимают воистину путающий оборот – в такие моменты начинаешь сомневаться в самых незыблемых истинах – к телефону просят меня. В нашем доме никому, кроме Урсулы, никогда не звонят. Бедняжку, наверное, чуть не хватил удар.

– Это Терри, – сообщает Урсула, уступая мне трубку с деланной беззаботностью, с какой бросают «привет» парню, накануне смотавшемуся к другой.

Кстати, Терри Стивен Рассел – мой начальник.

– Привет, Терри, сегодня воскресенье.

– А то я не знаю. Послушай, у тебя найдется время встретиться?

– Может, и найдется. Кроме похода на «Лазерные войны» примерно через час, других дел не намечается. (На кухне Урсула выгибает бровь, типа: «Не намечается, говоришь?»)

– «Лазерные войны»? Отлично. Лучше не бывает. Там и увидимся. Пока.

– Да, н-но...

Терри уже повесил трубку.

– О чем думаешь?

– Ни о чем.

– Врешь.

Урсула испытывает, на мой взгляд, нездоровый интерес к содержимому моей головы. Она постоянно спрашивает, о чем я думаю, вряд ли это можно счесть нормой. Лично я уверен, что это ненормально, потому что я – нормальный человек – никогда не спрашиваю, о чем думает она.

Урсула не верит, что можно думать «ни о чем». Довольно странно, если вспомнить, сколько раз во время ссор или когда я делал что-нибудь не так, меня стыдили: «О чем ты думал в этот момент? Ни о чем?» По правде говоря, мне чрезвычайно легко удается думать «ни о чем». Даже не надо прилагать усилий, чтобы погрузиться в «дзен». Возможно, «дзен» – мое естественное состояние. Усадите меня в кресло, оставьте в покое и – дзинь! – у меня уже «дзен».

Однако моя безупречно убедительная аргументация отскакивает от Урсулы и уносится далеко-далеко за горизонт, точно пули от танковой брони. Думать «ни о чем» совершенно недопустимо. Одно время я пытался делать домашние заготовки. НЗ, так сказать. Список отговорок, которыми можно прикрыться, если тебя застанут в ментальном неглиже. Например:

– О чем думаешь?

– О, я размышлял, удастся ли человечеству разработать подлинно единую физическую теорию. Неужели различия между ньютоновскими принципами, теорией относительности и квантовой механикой так и останутся непреодолимым препятствием на пути всеохватывающего математического метода, применимого ко всем случаям?

– Врешь.

И еще одна блестящая идея летит в мусорный бак.

Впрочем, должен признаться, в тот раз, пока я наслаждался короткой передышкой перед походом с Джонатаном на «Лазерные войны», в моем мозгу колыхалась и лизала прибрежную гальку вполне конкретная мысль. Не «ни о чем», а скорее «ни о чем особенном». Я вяло гадал, зачем я понадобился Терри Стивену Расселу так срочно, ведь в понедельник мы все равно увидимся на работе.

– Хорошо, тогда о чем я думаю на самом деле? – перехожу я в оборону.

– Не знаю, поэтому и спрашиваю. О доме, который мы вместе смотрели?

– Да.

– Врешь.

Медленно и долго выдыхаю. По-настоящему долго. Вначале это усталый выдох, но чем дольше он затягивается, тем яснее становится: в конце придется что-то сказать. Отодвигаю этот момент, напрягаю все мышцы живота, выдавливаю из легких последние остатки воздуха. Наконец, словно пловец, вынырнувший из глубины, быстро хватаю ртом воздух и насилиу выговариваю:

– С чем будешь чай?

Согласен, можно было придумать что-нибудь и позатейливее.

– Мы, кажется, говорили о доме.

– Нет, не о доме.

– Нет, о доме.

– Нет, не о доме. Ты всего лишь спросила, думаю ли я о нем.

– И ты сказал, что думаешь.

– А ты сказала, что я вру.

– Так ты думал или нет?

– Уже не помню.

– Врешь.

В таких беседах мы с Урсулой способны провести целый день. А она еще жалуется, что мы мало разговариваем, поди, пойми этих женщин... Но сегодня мне и впрямь везло: меня опять спас телефонный звонок. Урсула предприняла достойную уважения попытку просверлить меня взглядом, мол: «Телефон звонит, ну и что? Пусть звонит. Я с тобой сейчас разговариваю». Она выдержала три звонка, потом сдалась и рванула к аппарату.

Навостряя уши, чтобы уловить первые звуки, определяющие весь ход разговора.

– Алло? – Потом еще раз, с ноткой узнавания в голосе и немецким акцентом: – Альо?

Урсуле звонят друзья-немцы. Уф-ф. Эдисон, дай я тебя расцелую.

Итак, Урсула. Располагайтесь поудобнее, уберите откидной столик, проверьте, надежно ли закреплен багаж на верхней полке, и внимайте.

Урсула родом из Южной Германии, из-под Штутгарта. Рост – метр семьдесят четыре. Полагаю, это весьма солидный рост для женщины. В туманных воспоминаниях о доурсуловой жизни мои подружки обычно довольствовались ростом метр шестьдесят пять – метр шестьдесят семь. По словам Урсулы, так было потому, что я, трус и лентяй, гулял только с англичанками (она произносит «англичанки», как Троцкий – «лакеи империализма»), Урсула непоколебимо уверена, что метр семьдесят четыре – средний рост для женщины, даже чуть-чуть ниже среднего, и что англичанки – а это всем известно – искусственно задерживают свой рост в угоду английским мужчинам, большинство из которых – пьянчуги и бездельники.

Мы живем вместе уже много лет, и, понятное дело, я не особо часто смотрю на Урсулу. Нужды нет – достаточно ощущения, что фигура подруги маячит где-то поблизости. Но для вас, так уж и быть, я пороюсь в захлавленных подвалах моей памяти и постараюсь отыскать куда-то задевавшие черты моей лучшей половины.

Глаза у нее голубые. Не льдисто-голубые, какими редакторы женских журналов с помощью фотошопа малюют глаза моделям на обложках (так что, когда проходишь мимо полок с журналами, чувствуешь себя словно в «деревне проклятых»¹), а нежного оттенка, какой, скажем, бывает у жидкостей для мытья унитаза.

Пониже глаз у Урсулы, по современной моде, находится нос. Маленький такой, немного вздернутый. Нос Урсулы я вижу как наяву, даже зажмурившись. Должно быть, оттого, что она вечно сует его в мои дела.

Рот Урсулы – большой, и форма соответствует качеству. За пухлыми бледно-розовыми губами прячется ряд крупных, белых-пребелых, безукоризненных зубов, которых не касалась рука калифорнийских кудесников стоматологии. Помните, какие рты у королей красоты из Америки? У тех, что выходят на сцену в крошечном бикини и щебечут, как благородно было бы сводить слепых детей в зоопарк, а потом включают улыбку, яркость которой наносит зрителям

¹ «Деревня проклятых» – фильм ужасов 1960 г. В деревне Мидуич у женщин вдруг начали рождаться наделенные сверхъестественными способностями дети от неведомой инопланетной расы. Все дети были белокурыми и голубоглазыми. – *Здесь и далее прим. перев.*

ожоги третьей степени? Возьмите такую улыбку, наложите на нее губы французской актрисы, и у вас получится часть Урсулы от носа до подбородка.

Вот вам мгновенный снимок Урсулы (какое счастье, что фотографии не умеют говорить) – высокая голубоглазая блондинка с губами как у героинь из «Спасателей Малибу».

Совершенно не мой тип. Но никаких проблем – у меня достаточно глубокая натура, чтобы не шарахаться от бесспорно красивых женщин.

– Теперь мы можем пойти на «Лазерные войны»? Мы ждали сто тысяч часов. – Джонатан стоит передо мной с выражением страдальческой серьезности на лице. На нем резиновые сапоги, гавайская рубашка, верх от костюма Бэтмена, полицейская каска на два размера больше, чем следует, и накидка, которую он смастерил сам из двухметрового куска цветастой занавески. В руках – лазерный меч. Малый рост Джонатана только усиливает впечатление, будто кто-то поставил жуткий научный эксперимент и сжал бойца из «деревни проклятых» до минимальных размеров.

– Да, думаю, теперь можно. Только оденься поскромнее.

– Но почему? Я – джедай!

– А, ну тогда другое дело. Все же накидку оставь дома. Запутаешься в ней и упадешь, а отвечать потом мне.

– У-у-у-й. Я пока в ней побуду, потом в машине сниму. А то Питер заберет и ему достанется вся моя сила.

– Соображаешь.

Терри Стивен Рассел (в просторечии – ТСР) возбужденно рассказывал по фойе «Лазерных войн».

– Опаздываешь? – ТСР изумлен.

– Только на две минуты, мы...

– Не трать время на объяснения, надо спешить. Пошли. Привет, Джонатан. – Терри оглядывает наряд моего сына. – Что ж, по крайней мере один ошеломительный эффект мы произведем.

«Лазерные войны» – командная игра. На нашей стороне – я, ТСР, Джонатан и розовощекий папашка с двумя розовощекими сынишками. Вряд ли на них можно рассчитывать. Уже ссорятся, кому какой пистолет взять, хотя все пистолеты одинаковые. Дилетанты чертовы. Стоит нам ступить на арену, как Джонатан исчезает из виду. У этого ребенка утонченная натура, он предпочитает прятаться в засадах и охотиться на противника в одиночку. ТСР присаживается рядом со мной на корточки, слева от него розовощекое семейство продолжает выяснять отношения.

– Вы заткнетесь или нет? – шипит на них ТСР. – Нас всех из-за вас поубивают.

Розовощекий отец хмурится:

– Полегче. Это всего лишь игра.

Мужик не понимает. Нам с ТСР остается только недоуменно переглянуться, покачать головой и коротко, отрывисто рассмеяться. Хэ-х, ну и ну. Держись, солдат. Они не шутят.

Из-за укрытия выбегает ребенок противника и, стреляя без остановки, бросается к нашей позиции. Через секунду воздух пронзает одиночный лазерный луч, розовощекий мальчишка ранен прямо в нагрудный датчик.

– Аи! – разочарованно пищит пацан.

– К мамочке беги, – откуда-то из темноты раздается голос Джонатана.

Мы с ТСР, поочередно высываясь из-за низкого цилиндра, который нам служит укрытием, короткими очередями прижимаем противника к земле. После очередной серии выстрелов ТСР опускается на пол рядом со мной и, прищурившись, говорит:

– Ты у нас все знаешь...

Отнекиваться не имеет смысла. В ответ я лишь вздергиваю брови, приглашая босса продолжать.

– Как насчет договоров о выдаче преступников? У Британии ведь нет такого договора с Бразилией?

Порывисто поднимаюсь над баррикадой и насылаю лазерную смерть на противника. Один из них в панике ныряет за картонный ящик, словно ему восемь лет от роду (на вид так оно и есть), но я попал в плечо его напарнику одиннадцати лет. Сразил наповал. Нет страшнее зверя, чем поверженный ребенок.

– Фигня какая-то! В меня не попали даже. Не датчик, а говно!

– Да-да... – кричу я из-за укрытия. – Я тебя сделал!

Повернувшись к ТСП, облизываю палец – «один есть».

– С Бразилией вроде бы такой договор уже подписан. Но на рассмотрение дела уходит уйма времени. Даже из Америки, с которой мы общаемся почти на одинаковом языке, пока кого-нибудь выдадут, несколько лет может пройти. Начинаются бесконечные юридические споры, а если в документах пропустят какую-нибудь запятую, волокита затянется еще на полгода.

– М-м-м... – мычит ТСП, аккомпанируя своим мыслям.

На левом фланге разыгрывается прелюдия грядущей катастрофы. Розовощекий отец никак не может разобраться, куда целить. Между тем розовощекий ребенок № 1 и розовощекий ребенок № 2, не сговариваясь, бросаются в атаку. Великий бог неуклюжести с улыбкой принимает их жертву – они стучаются лбами и валятся на пол, с воем хватаясь за ушибленные места.

– А в Азии как?

– Ну, в Китае вообще никаких законов нет. Каждый день после обеда решают по-новому, в зависимости от политического момента. В остальных странах – чем дальше от столицы, тем глупее кажется мысль о какой-либо правовой системе.

– Ясно. А какова лучшая форма защиты?

– Разумеется, нападение, маэстро.

– И то правда. Ур-р-а-а, прикрой!

ТСП выкатывается на открытый участок. Из-за винилового цилиндра поливаю карающими алыми лучами любого, кто смеет поднять голову, на стороне противника. В моей ли стрельбе дело или в хладнокровной меткости Джонатана (он все еще где-то прячется – одинокий воин среди неведомых земель), но ТСП добирается ползком до позиций противника целым и невредимым. Наш огонь косит людей неприятеля как тупой домашний скот, они не успевают ни толком прицелиться, ни опомниться. Такие моменты бывают только раз или два в жизни. Даже теперь, вспоминая, я глотаю слюну от возбуждения.

Словом, битву мы выиграли с заметным перевесом. Я бы сказал, полный триумф. Радость победы несколько омрачил рыдавший белугой девятилетний пацан. Его привели на игру в день рождения, а беднягу то и дело убивали, он не успел сделать даже полдюжины выстрелов. Что ж, жизнь – суровая тетка! Ну ничего, в следующий раз повезет.

Прежде чем разойтись по машинам, ТСП стрельнул в нас, сложив пальцы пистолетом:

– Классно сработано, джентльмены.

Не много пройдет времени, и ТСП исчезнет из моей жизни.

Уборщице не понравится – к гадалке не ходи

До падения стены в Восточном Берлине вокруг вокзала на Фридрихштрассе теснились лавчонки, где можно было закупить всякой дряни – сувенирных ложек, социалистических ирисок, брелоков с надписью «Моя вторая машина – привет от загнивающего Запада» и т. п. За прилавками восседали толстомясые бабищи неопределенного возраста, которые, если судить по внешнему виду, предыдущие двадцать пять лет глушили дубиной скот на государственных бойнях. Лавки им не принадлежали, поэтому им было без разницы – продать две тысячи магнитных значков в память о сталинских чистках или весь день смолить сигареты, крепкие, как Варшавский договор, дожидаясь выхода на пенсию. Но даже на беглый взгляд они превосходили меня в трудовом энтузиазме на тысячу двести пятьдесят процентов.

О таких вещах нелегко говорить, поэтому я не стану ходить вокруг да около, ладно?

Я работаю в библиотеке. Во-о-т. Сказал, и на душе полегчало. Теперь главное не останавливаться и пояснить, что библиотека – не государственная. Ах, как сладостна мечта о работе в госбиблиотеке. Старички с термосами тихо дремлют в зале периодики, старушки дрожащими руками нарезают материалы для посиделок в местном клубе здоровья для женщин, работников включают в списки очередников на лакомства от Кэтрин Куксон.² В таком месте можно потихоньку сойти с ума, и никто даже не заметит. Увы, я не попал в нежные объятия госбиблиотеки.

Наверное, в прошлой жизни я убивал маленьких щеночков суковатой палкой, потому и кисну теперь в библиотеке Университета Северо-Восточной Англии, известного среди его радетелей как УСВА (радетелями, как минимум, были проректор по хозяйству, финансовый советник проректора по хозяйству да владелец соседнего винного магазина, находившегося в двух шагах от дома проректора по хозяйству).

Как и положено по уставу, УСВА имел свою эмблему: буквы У, С, В и А едко-оранжевого цвета на темном фоне, а ниже – девиз, написанный якобы от руки с наклоном, предполагающим «современность» и «порывистость»: «Принимаем абсолютно всех». А также список учебных курсов, среди которых фигурировали «Теория лотерейных билетов», «Яйца и блюда, которые из них можно приготовить», а также новаторский курс «Фуфловедение».

Простите, не сдержался. Считайте мои слова шуткой.

Заявив, что работаю в библиотеке УСВА, я невольно сорвался на нормальный человеческий язык. На самом деле я работаю в «учебном центре». С болью в сердце вспоминаешь, что библиотека – это место, где хранятся книги. В «учебном центре» книги – дело десятое. Кроме книг там есть, например, компьютеры. Еще не поняли, к чему я клоню? К примеру, вы приходите в паб, а там – во блин! – сплошь телевизоры, принимающие кучу спутниковых каналов. Все ваши познания о семантике на глазах закручиваются воронкой, превращаясь в неразмеченный хаос. По такому же принципу спросите дорогу в библиотеку – и какой-нибудь шут гороховый укажет вам, как пройти в учебный центр, шок от посещения которого может вызвать облысение, заикание и утрату навыков общения до конца жизни.

Моя работа в учебном центре состоит в надзоре за компьютерной техникой. Не подумайте чего дурного – я не технарь и не заклинатель компьютеров. Нет уж. Я даже горжусь тем, что ни черта не смыслю в своей работе. Запомните несколько ключевых фраз – и блестящая карьера в сфере информационных технологий вам обеспечена. Например, фраза «похоже, что неисправность надо искать на сервере» позволяет многим технарям годами торчать на одном и том же рабочем месте. Еще один ценный трюк – присвистнуть и прочитать вслух написанное на компьютере прямо у вас перед носом: «Да-а, версия Ти-Экс, как же, как же, известное дело...» Годится на любой случай – от неработающей мыши до небольшого пожара. Если вы

² Популярный автор, сентиментальных «женских» романов.

всерьез решили сделать карьеру в ИТ, потратьте несколько минут на заучивание расшифровки дюжины сокращений. Эти знания способны превратить человека из придурка с дипломом по социальной географии и подружкой-немкой в могущественного шамана. Небрежно оброните, что `http` в адресе веб-страницы означает не что иное, как «протокол пересылки гипертекста», и ваш начальник сразу поймет, что вы – не какой-нибудь лох, понятия не имеющий, как действует этот самый протокол пересылки, и уже никогда не осмелится спросить у вас, почему во всем учебном корпусе не работает ни один компьютер.

Так случилось, что мой непосредственный начальник – ТСП – оказался мастером подобных манипуляций, человеком, признанным в ИТ чемпионом по словоблудию. ТСП умеет нарисовать столь яркую и всеобъемлющую картину какой-нибудь неисправности электронной почты, что публика расходится, не только безоговорочно веря сказанному, но чуть не плача от умиления. Его способность мгновенно вылепить из третьестепенных фактов, полуправды и сочиненных на ходу небылиц убедительную аргументацию вдохновляла и вела за собой всю компьютерную группу. Будь ТСП капитаном «Титаника», он забрал бы себе все спасательные шлюпки, а люди, брошенные им на борту тонущего лайнера, с улыбками махали бы ему вслед.

А еще ТСП похож на Сатану, хотя это к делу не относится. Трудно сказать, подражает ли он дьяволу намеренно. Природа, конечно, тоже постаралась, но бородку клинышком и усики, с которыми Князя тьмы изображали на гравюрах четырнадцатого века, он выбрал себе сам.

Кроме того, ТСП самый нетерпеливый человек на свете. Еще ни разу в жизни Терри Стивен Рассел не дослушал до конца трехкратный писк микроволновки, сообщающий о готовности блюда.

ТСП и я составляли пульсирующий мозг компьютерной группы. Ступеньку ниже занимала троица полураскаявшихся хакеров – Радж, Брайан и Уэйн. На собеседовании при приеме на работу о всех троих сложилось одинаково сильное впечатление: если не направить их энергию на пользу УСВА, в недалеком будущем они устроят всемирный компьютерный обмен ядерными ударами. За все время работы из их бесед я понял от силы дюжину-полторы слов. И не только потому, что они несли сущую белиберду «Как провел выходные, Уэйн?» – «Настроивал стек ти-си-пи-ай-пи – буфер гнезда знатно пофиксил, есть свидетели», но и потому, что они просто не умели *разговаривать*. Обычно они что-то бормотали, уткнувшись носом в грудь, и замолкали, потеряв мысль в самом начале предложения. Каждый из них, вне всяких сомнений, гениален. И все-таки им крупно повезло, что еду теперь можно заказывать через Интернет, – я не верю в их способность зайти в магазин и внятно произнести: «Дайте мне вон тот суп в банке».

Еще ниже в служебной иерархии стояли студенты-ассистенты. Студенты – самые обыкновенные, им платят почасовую ставку за труды на первой линии техподдержки. К счастью, неизбывное желание стибрить хоть что-нибудь из подсобки побуждает их не пропускать ни одной смены.

Смысл четкого распределения обязанностей в компьютерной группе сводится к ликвидации кризисов. Обычная группа поддержки ИТ в Великобритании сталкивается с серьезными проблемами в среднем дважды за восьмичасовую смену. В УСВА мы гордились тем, что регулярно перекрывали этот показатель вдвое. Очередная утренняя катастрофа разразилась из-за отказа почтового сервера.

– Сервер! – скомандовал ТСП трем хакерам-волшебникам. «Исправить» в его вселенной не помешалось.

Я начальственно протянул:

– Э-м-м, как нам кажется, в чем проблема?

– Думаю, это – инопланетяне, – откликнулся Уэйн. – Программа поиска внеземного разума много лет подряд тайно стирала сигналы бедствия, идущие из космоса. Теперь они мстят.

- Хорошо. Брайан?
- Блок сервера, похоже, полетел.
- Радж?
- Я согласен с Уэйном, точно инопланетяне.

ТСР за моей спиной дышал все более отрывисто и жарко. Я возвел очи к небу – ну за что мне такое наказание? – и, собрав в кулак всю свою трудовую энергию, начал загибать пальцы:

– Брайан, сходи проверь блоки в серверной. Радж, проверь, есть ли у кого-либо еще в сети «Супер Джанет» проблемы или только у нас. Уэйн... проверь версию с инопланетянами.

Работники вприпрыжку выскочили из офиса, оставив на командном пункте только меня и ТСР.

– Этот цирк меня задолбал, – сказал ТСР, тыча пальцем себе под ноги (я догадался, что он имеет в виду университет в целом, а не конкретную половицу).

– Угу, – осторожно согласился я. – И клоуны страшные, правда? Не представляю, как раньше люди могли смотреть на клоунов и кричать: «Ха! Глянь на эту раскрашенную рожу. Ой, сейчас живот надорву!» Возможно, когда «семейный отдых» превратится в посещения публичных казней, эти ребята смогут повеселить публику, но пока что они нагоняют на меня только ужас.

– Мог бы просто ответить «да», а не травить мне душу.

– Ну конечно, спасибо за подсказку, теперь я вижу, что ты прав. И кстати, раз уж мы тут занялись лингвистикой, как насчет вчерашнего разговора о выдаче преступников?

– Каких преступников?

– Вот именно, каких? Верно, моя жизнь не богата модными тусовками, но обсуждать международное право в павильоне «Лазерных войн» – это, пожалуй, круто.

– Я просто спросил, вот и все.

– Просто спросил? О правилах выдачи преступников? В воскресенье, с утра пораньше?

– Чего пристал? Как будто на тебя никогда не находило.

– Ладно, решил в загадочность поиграть, только какой в этом толк?

– Толк в бабах. Бабы любят загадочных.

– А-а-а. Мне такие дешевые примочки уже ни к чему. Я больше в рыночной конкуренции не участвую. У меня есть Урсула, и мы вместе доживем до глубокой старости.

– Думаешь, так лучше?

– Ага. И намного эффективнее. С Урсулой я доживу до глубокой старости гораздо быстрее.

– Как знаешь. Пойду я, мне к Бернарду пора. Некогда языком молотить, надо Бернарду отчет о происшествии предоставить, чтобы ему было чего сказать спецам, когда те начнут ныть.

Бернард Доннелли, менеджер нашего учебного центра, страдал маниакальной тревожностью.

– И что ты ему скажешь?

– Господи, откуда я знаю? Начну говорить, тогда и узнаю. Все остальное ведь в порядке? Не хочу, чтобы меня опять дергали.

– Вроде бы. Два студента поменялись ночными сменами. Вроде бы.

– Так поменялись или нет?

– Студенты из Полинезии, изучают сельское хозяйство. В их речи я понимаю примерно каждое пятое слово, но они наверняка понимают в два раза больше, когда я провожу инструктаж. Кивают и снова погружаются в безмолвную стоическую грусть, как почему-то принято у всех студентов из Полинезии.

Пристально глядя на меня, ТСР пробормотал:

– Да-а... А нам-то какая разница?

– Ну...

Но ТСР уже слинял из кабинета – будто кто-то выключил газ под кастрюлькой с кипящим молоком. Когда меня не подогревают извне, мое естественное состояние – едва теплое. Я спокойно дрейфую при комнатной температуре, держась на равной дистанции как от трескучего пламени холериков, так и от ледяной проруби флегматиков. Но когда рядом находится ТСР, моя нервная система начинает работать с двойной нагрузкой. Некоторые люди просто источают флюиды нервозности. Кое-кто называет это харизмой. У меня харизмы нет. Зато у меня есть двойные суставы – я могу отгибать большие пальцы назад так, что они касаются запястья. Ничуть не хуже харизмы. По крайней мере, мне так кажется.

Спустя несколько минут на экране компьютера появилась надпись «217 непрочитанных сообщений». Сервер снова заработал. Классно.

Однако мне не удалось понежиться в теплых лучах апатии, навеянной успешным устранением неисправности. Сквозь стеклянную перегородку я заметил приближение Карен Рубон.

Завидев Карен, не успеваешь даже впасть в уныние – с такой устрашающей скоростью она летит навстречу. Когда чужое тело быстро-быстро несется в вашем направлении, очень трудно подавить инстинктивное желание закрыть лицо руками. У Карен коротко стриженные черные волосы, отчего она похожа на горелую спичку. Такую коротышку никто бы и не заметил, если бы не стремительность, с которой она передвигается. Ее должность именуется «сотрудник учебного центра по связям со студентами», а попросту СУЦСС. Хотя по образованию Карен – библиотекарь и психолог, ничем конкретным она не занимается, но обеспечивает «общую поддержку учебного процесса по ряду направлений». Карен считает себя главнее всех не из-за должности. Главнее всех она считает себя от рождения, а должность лишь дает ей возможность об этом заявить.

– Пэл.

«Карен, ты вошла в дверь? А я-то думал, что упыри не способны войти в помещение без особого приглашения». Выдержав яростную схватку с самим собой, я сумел промолчать.

– Карен? – отозвался я после паузы.

– Пэл, ты не поверишь, ха-ха-ха...

Карен из тех людей, кто умеет смеяться без повода. Мне вдруг до жути захотелось засунуть ее в бочку с муравьями-людоедами и засмолить крышку.

– Завтра я читаю вступительную лекцию для студентов гуманитарного факультета. Мне нужно, чтобы ты установил лэптоп, проектор, подключил сеть и позаботился о доске для наглядных пособий. Еще нужно принести шесть коробок с учебными материалами для раздачи студентам. Я начинаю в девять утра, в аудитории на втором этаже, номер 24 «А», это в самом конце коридора. Кстати, не мог бы ты захватить кое-что в офисе Пьера? Ха-ха-ха. У него там несколько скульптур, наглядно демонстрирующих разницу между свинцом и чугуном. Уборщики наотрез отказываются, в прошлый раз у одного из них позвонок треснул, теперь им профсоюз не разрешает. Гордые все стали. Я им сказала: «Ну и хрен с вами, Пэл мне все сделает, никаких проблем». Они словно нарочно выдумывают всякие причины, лишь бы не работать.

Пьер преподает «скульптуру ужасов» на гуманитарном факультете. Я видел его всего пару раз, но хорошо запомнил, потому что Пьер имеет привычку буравить собеседника взглядом и разбавлять разговор длинными неуютными паузами. Надо понимать, это и есть признаки «яркой личности».

«Хорошо, я все доставлю и установлю завтра утром», – хотел сказать я, но успел выговорить только «хо...», как вдруг левая сторона стеклянной перегородки взорвалась, брызнув мелкими осколками. Стекло засыпало стол, усеяло ковровое покрытие. Но внимание мое было приковано не к осколкам, а к парочке студентов, ввалившейся через дыру в перегородке. Клубок из двух тел снес монитор, смел со стола записи о покупке расходных материалов и плюхнулся прямо мне на колени. Сила инерции отшвырнула мое кресло на колесиках к металличе-

скому стеллажу у задней стены. Мощный удар – куда более оглушительный, чем можно было ожидать от столкновения трех человек и одного офисного кресла с металлическим стеллажом, – сотряс стеллаж до основания и сбросил двух придурков на пол. И между прочим, им здорово повезло: принтер «Хьюлит Паккард 84 °С», сорвавшийся с верхней полки, мог запросто проломить котелки этим двум обалдуям, но они ловко откатились в сторону, так что принтер всего лишь угодил мне промеж ног. Я не упустил такой славной возможности – немедленно сполз на пол и ну корчиться на все лады.

Несколько секунд полной отрешенности от мирской суеты дали отличный результат – мне удалось встать на четвереньки. Студенты расплывались перед глазами из-за выступивших слез, сливаясь в сплошную гиперактивную амёбу, которая перекатывалась и пузырилась на полу офиса.

– Эй, вы, – просипел я, – что вы делаете?

Вытер глаза рукавом, чтобы лучше их видеть.

– Этот гад стер мою контрольную! – пропыхтел тот, что был наверху, и несколько раз двинул напарнику по зубам, давая понять, кого он имеет в виду.

– Февестань! – прошамкал тот, что снизу.

Хотя его ответу недоставало четкости, обильное кровотечение было красноречивее всяких слов. Впрочем, нарождавшееся сочувствие растаяло без следа, когда он сграбастал пластину для подачи листов от разбившегося принтера, и от души вмазал ею сопернику по голове. Пластина была рассчитана всего на пятьдесят листов, так что соперник легко отделался.

Краем глаза я заметил, что Карен ковыряет носком туфли битое стекло.

– Неплохо бы вызвать охрану, – напомнил я, прежде чем вновь заняться претендентами на приз Всемирной федерации рестлинга. – Ну-ка, прекратите, вы оба! Здесь вам не студенческий профсоюз!

Борцы отпихнули друг друга и неуклюже поднялись. Хотелось верить, что именно мой командный тон положил конец схватке, но, скорее всего, они просто выдохлись.

– И что это все, – я обвел рукой помещение, – значит?

Мне скормили обычную историю про то, как двое не поделили компьютер. Когда я только начинал работать в библиотеке, она была открыта с девяти до пяти, в ней стояло пять компьютеров, а число желающих воспользоваться ими обычно не превышало восьми человек. Теперь, хотя численность студентов не изменилась, учебный центр открыт круглые сутки, насчитывает триста семьдесят компьютеров, а в очереди томятся до пяти сотен студентов. И каждого из пятисот, разумеется, распирает от нетерпения – умник даже не помышлял воспользоваться компьютером, пока до времени сдачи контрольной не осталось пятнадцать минут. Это вовсе не означает, что студенты не сидят за компьютерами в остальное время, еще как сидят! Иногда они столько времени проводят в чате, что не успевают поиграть или посмотреть порнуху. Но до контрольных руки у них доходят исключительно за четверть часа до сдачи. Думаю, виной тому гормоны.

И неизбежно происходит следующее: студент, корпящий над заданием, на минутку отлучается в туалет (покурить, купить новый пакетик таблеток от усталости и пр.); студента, ждущего в очереди, при виде «свободного» компьютера с беспризорной контрольной на экране охватывает лихорадочная жажда деятельности, ведь до сдачи его собственной контрольной остается всего ничего; он подскакивает к компу, выходит из системы (теряя контрольную работу прежнего студента, который, разумеется, и не подумал ее сохранить), снова входит и начинает работать над своей контрольной. Первый студент возвращается, возникает потасовка, и клубок орущих, царапающихся и кусающихся студентов с треском пробивает перегородку моего офиса. А ведь мы внедрили систему предварительных заявок, но ею пользуются только безнадежные зубрилы.

Когда прибыли двое охранников, парочка заканчивала до боли знакомый рассказ. Охранники только что прослушали курс межличностного общения, который шустрая бабенка из отдела кадров читала прямо по электронной классной доске.³ Помня наставления кадровички, они повели себя мудро и не проявляли агрессивности, чтобы не усугублять положение. Охранники вышли из лифта прогулочной походкой, засунув руки в карманы и болтая о результатах последних футбольных матчей.

– Ц-ц-ц, – поцокал языком один из них, окинув взглядом офис. – Пошли, ребятки.

Группа медленно побрела к выходу.

– Значит, договорились – завтра в девять утра? – спросила Карен.

– Да-да. Можешь не беспокоиться.

Карен вылетела из офиса, едва не сбив с ног Раджа, Уэйна и Брайана, возвращавшихся после устранения неполадок на сервере и угрозы инопланетного вторжения. Троица молча тарасилась на разгром в кабинете, пока Уэйн не изрек:

– Прикольнo!

³ Вид конференц-связи.

Главное – правильно выбрать район

Голова Первенца представляет собой почти идеальный овал. По ней расстилается пелена белесых волос – под цвет материнских; волосы тоньше самых тонких нитей, они реагируют на малейшее движение воздуха и переливаются радугой, когда в них застревает солнечный луч. В бумажнике у меня лежит фотография Первенца. Иногда я разглядываю его лицо, чтобы освежить память. В оригинале мне доступен только затылок – с тех пор как шестилетний Джонатан (ватага друзей зовет его Джон) год назад склонил свое лицо под углом 45 градусов над гейм-боем и с тех пор уже его не поднимал.

Голова Последыша (Питер, возраст – три года) круглее. Он еще более отъявленный блондин, чем Первенец, но его волосы ведут себя увереннее. Они отвергают покорность и воздушность волос старшего брата, торча из головы во все стороны непослушными протуберанцами. Мне видна лишь макушка Последыша, потому что он еще мал. Вертлявый зверек снует в своем мире где-то ниже моих ягодиц, движимый постоянной тягой к перемене мест.

У детей столь разный темперамент, что сторонний человек, не имея справочной информации, легко примет Джонатана за отпрыска поэтов XIX века, а Питера – за воспитанника волчьей стаи. Джонатан эмоционален и склонен к самосозерцанию, Питера больше всего интересует, как убить человека одним большим пальцем. Я отчетливо вижу в них себя и Урсулу – поровну. Урсула утверждает, что они оба – вылитый я, неважно, произносится ли это шепотом, с улыбкой или гневно выкрикивается, когда от тычков пальцем в грудь никакого результата.

Урсула, Джонатан, Питер и я жили в трехкомнатном викторианском доме, составлявшем с другими домами-близнецами один длиннющий общий фасад. Поскольку район, где находится дом, имеет некоторое отношение к грядущим событиям, лучше объяснить, как мы туда попали.

Чуть меньше восьми лет назад мы с Урсулой вернулись из Германии, нашего прежнего места обитания. Урсула – физиотерапевт и нашла работу с полоборота. В Британии в то время не хватало квалифицированных физиотерапевтов, а немецкие, то есть те, которые не гнушались мучить больных стариков, выкручивая им конечности, пользовались особым спросом, ибо садизм и есть главное в профессии физиотерапевта. Вопреки ожиданиям (учитывая, что пиком моей карьеры были диплом по социальной географии и игра на гитаре в ресторане), я тоже быстро нашел людей с чувством юмора, развитым настолько, что они согласились взять меня на работу. Так я поступил в библиотеку медучилища.

Оставалось уладить последнюю проблему – мы с Урсулой жили врозь, причем не в переносном смысле. Урсуле выделили комнату в общежитии медсестер при больнице, где она работала. Я попробовал выпросить комнату при медучилище и наткнулся на стену из понимающих взглядов: мол, ишь, чего удумал. Пришлось поселиться у друзей – Марты и Фила. Они только что купили свое первое жилье, и дополнительный доход был им очень кстати, тем более что они относились ко мне как к члену семьи – разрешали есть бутерброды с рыбой, сидя на их диване, и переключать каналы телевизора, спрашивая для проформы: «Это кто-нибудь будет смотреть?» Нам с Урсулой явно был нужен собственный угол, арена гладиаторских боев для закалки духа.

Изучив ситуацию, я пришел к интересному выводу: дома, оказывается, стоят страшно дорого. Нет, правда, они стоят десятки и даже сотни тысяч фунтов. Я провел много времени, пялясь на витрины агентств по торговле недвижимостью и водя черным от типографской краски пальцем по газетным разделам о продаже собственности, надеясь наткнуться на объявление вроде «Четырехкомнатный дом на спокойной улице в популярном районе. Владелец сошел с ума в связи с заболеванием гипофиза и отдаст дом первому встречному, кто явится с

мешком таблеток от глистов и проволочной мочалкой для чистки кастрюль». Не в состоянии найти ничего подобного, я не по дням, а по часам старился от злости.

Наконец, по классической английской традиции, я встретил нужного человека в пабе.

Нужный человек без стыда и совести жульничал, играя в бильярд, но важнее было то, что он работал прорабом на подряде у жилстройтоварищества. Правительство выделяло субсидии на ремонт зданий, которые в противном случае потихоньку развалились бы, пропитавшись мочой слоняющихся без дела юнцов. Оно поощряло частные компании выкупать эти дома, обеспечивать минимальный для выживания уровень электро- и газоснабжения и т. п., замазывать стены свежей краской, крепить булавками к полу дешевое ковровое покрытие, а потом продавать жилье по себестоимости. Доход компания получала от субсидий, а не от продажи домов. Такой дом даже не требовал отделки, поселяйся хоть сразу, все удовольствие стоило 18 000 фунтов. Вот спасибо, заверните, пожалуйста.

Я нарыл координаты жилстройтоварищества и наведалься на их последний объект. Была среда, ясный солнечный день, и я впервые обозревал наше будущее семейное гнездо. На ничем не примечательной улице вереницей тянулись одинаковые дома, прижатые друг к другу, с крохотными палисадниками перед входной дверью. При ярком солнечном свете все это походило на декорацию из детской телепередачи. Дома кончались там, где улица отважилась обогнуть больницу – огромный викторианский особняк. Викторианская архитектура как бы говорила: «Я здесь на века» – словно сам Господь Бог обернулся темным параллелепипедом и врезался в грунт. Здание напоминало большой черный гроб, при одном взгляде на который плечи сами собой опускались от ощущения тяжести. В противоположном направлении дома расступались, давая приют двум обращенным друг к другу фасадами продуктовым магазинам. Первый был стандартной городской лавкой, торгующей прессой, выпивкой и едой, в то время как второй был стандартной городской лавкой, торгующей прессой, выпивкой и едой. Как они умудрились выживать? Загадка, да и только.

Человек из жилстройтоварищества (забыл, как его звали, ну и черт с ним, пусть будет Сэкстоном) ждал меня перед домом № 74 на Сент-Майклз-роуд. Ему было лет под пятьдесят, и, похоже, он таким и родился. Внешний вид Сэкстона шел в разрез с его психологическим складом – этот амбал сутулился, будто какой-нибудь робкий долговязый малый, старающийся лишний раз не привлекать к себе внимание.

Сэкстон ввел меня в дом через парадную дверь, сбивчиво долдоня всякую ерунду. Он наверняка готовил речь заранее, но по пути половину забыл. Внутри я обнаружил дворец – девственное палаццо, оклеенное коричневыми обоями, выкрашенное эмульсионкой цвета магнолий и застеленное ярко-синим ковролином, до такой степени лишенным каких-либо натуральных волокон, что после короткой прогулки по нему можно было обеспечить электроэнергией все микроволновки Северной Англии. Когда я добрался до гостиной, моя шевелюра стояла дыбом, как у африканских негров.

– Если дом вам понравился, мы его придержим, пока вы не разберетесь со ссудой. Правда, нужно будет внести залог. – Сэкстон нервно закусил губу. – Сто фунтов.

Я попытался равнодушно хмыкнуть. У меня получился восторженный писк.

– Нашел нам крышу над головой, – сообщил я Урсуле, специально не употребляя слово «дом». Это слово женщин чрезвычайно нервирует.

– Где?

– Совсем недалеко от центра. Съездить за каким-нибудь миксером – пара минут.

– А центральное отопление там есть?

– Там есть для него место.

Я взял немного молока для чая из общественного холодильника на кухне общежития и фломастером, который специально носил с собой для этой цели, сделал отметку на чужой бутылке.

– Хоть сейчас можно вселяться и садиться смотреть телевизор. Отделка закончена. Электричество подключено, окно имеется, ну и все прочее.

– А как будем расплачиваться?

– Ха! Восемнадцать тысяч фунтов. Если, конечно, инфляция нас не обгонит. Если попросить ссуду на пять лет, скажут, что мы тянем кота за хвост.

Урсула принялась всерьез обдумывать возможные последствия. Такие попытки следовало пресекать в зародыше.

– И спальня большая. Просто огромная спальня. Хоть вечеринки устраивай.

– Сколько спален?

– Две. Но ощущение такое, что три.

– Каким образом, позволь спросить, две спальни могут ощущаться как три?

– На эмоциональном уровне.

– А-а.

– Послушай, главное, что район приличный и просят всего восемнадцать тысяч. Восемнадцать. Тысяч. Фунтов. Есть дома, которые и после пожара дороже стоят. Ну, что скажешь?

– Ох... Хорошо-хорошо, я согласна. Но заруби себе на носу: если что-то окажется не так, виноват будешь ты.

– Все будет отлично.

– Я не шучу. Вся ответственность – на тебе.

– Дорогая, пока ты меня обнимаешь, я готов вынести любую ответственность.

– Отцепись, я сейчас чай разолью.

Вещи из комнаты, в которой жила Урсула, заполнили весь дом. Ее коробки раскрывались парашютами: перережешь тесемки – и над тобой взвивается облако вещичек. Причем каждая – абсолютно бесполезный хлам.

Урсула не такая, как я. Я считаю, что энергия – не бесконечный ресурс, потому ее следует расходовать, только когда не остается другого выхода. Для меня «работать в полсилы» означает затрачивать сил на четверть больше, чем хотелось бы. Урсула же принимается за любое дело с бескомпромиссным азартом спринтера, рвущегося к финишной ленточке. В моем представлении обустройство дома – купить диван и сидеть на нем, в представлении Урсулы – пристроить к зданию крыло.

Начнем с того, что во дворе обнаружился сад. Осматривая дом вместе с Сэкстоном, я даже не удосужился выглянуть в окно. Ну не садовод я. Когда мы отправились в наше будущее жилище вместе с Урсулой, и я по ее команде выглянул во двор, сразу стало ясно: дебри во дворе не возьмет никакая газонокосилка – только несколько месяцев ковровых бомбардировок.

– Ладно, – сказал я, осознав, что работы не избежать. – Возьму мачете, вырублю все подчистую и застелю «Астроторфом».⁴

– Не говори глупостей.

– Это не глупости. «Астроторф» стоит не дороже обычного дерна.

– Мне нужна настоящая трава.

– «Астроторф» лучше настоящей травы, он так задуман. Единственный смысл его существования в том, чтобы превзойти по качеству настоящую траву.

– Просто ты не хочешь косить газон.

– И кто я после этого? Исчадие ада?

– Не набивай себе цену. Ты всего лишь лентяй. Но это не новость, а я не желаю иметь сад с искусственной травой, это противоестественно.

– Да кому нужна естественность? Вот она, – я театральным жестом обвел сад, – твоя естественность. Еще неизвестно, какие твари прячутся в этой чащобе. И что такого ужасного в

⁴ Искусственное травяное покрытие.

нежелании постоянно стричь газоны? Ведь я не возражал против покупки стиральной машины. Не сказал «просто ты ленивая баба, не хочешь колотить белье о камни», ведь правда?

– Не называй меня бабой.

– А я и не называю. Никогда. Даже когда ты стираешь.

– У нас будет настоящая трава.

Мы приняли компромиссное решение – то есть завели настоящую траву.

Обустройство дома вылилось в долгую историю. Я допускал, что придется приобретать кровать и холодильник. Но не знал, что, купив дом, необходимо также закупить для него чудовищное количество бесполезных причиндалов – держатели туалетной бумаги, абажуры, набор из трех – один другого меньше, какая прелесть! – канделябров, подставки под пивные бокалы с рисунком а-ля Мондриан.⁵ Воистину, очень тонкая грань отделяла меня прежнего от человека, который бродил среди мебели ИКЕА с желтым гигиеническим пакетом для рвоты и потухшими глазами.

В итоге мы достигли состояния более-менее комфортабельного равновесия. Я установил игровую приставку, Урсула – телефон. Встречались мы у микроволновки, где обменивались информацией на фоне тихого уютного гудения, с которым подогревалась лазанья. Даже попав впросак с автомобильной страховкой (район считался беспокойным, и страховка «фольксвагена-поло» сразу подскочила до четырехзначной цифры), мы не сильно проиграли в деньгах, потому что проценты по ссуде были очень низкими. В сильный дождь под кухонную дверь натекала вода, но мы обзавелись непромокаемой обувью, и наш дух ничто не могло сломить.

Неспешной трусцой пробежали несколько месяцев. И вот однажды субботним вечером, когда я сидел на диване и обводил ручкой интересные передачи в телепрограмме, Урсула вошла в комнату и остановилась прямо передо мной, как она всегда делает, когда ей нужно отсечь мне путь к бегству. Я некоторое время продолжал изучать программу передач, не поднимая глаз (в конце концов, существуют определенные правила). Когда я поднял глаза, Урсула спокойно и четко произнесла:

– Я беременна.

– Ух ты. Слава богу. Я уже начал думать, что мы зря стараемся.

Урсула скрипнула зубами.

– Отлично, просто превосходно. Я столько раз мысленно представляла себе эту сцену, и вот она – та самая реакция, на которую я так надеялась.

– Хорошо. Войди снова, а я упаду в обморок или еще что-нибудь придумаю. Я действительно рад... нет, правда, очень-очень рад. Мы приложили немало сил... ну, во всяком случае, я приложил, помнится, и ты при этом присутствовала, так зачем делать вид, будто ребенок взялся невесть откуда.

– Ах, прости за столь банальное зачатие.

Наступила короткая пауза. Я кашлянул, как зритель перед началом представления в театре.

– Ну? – спросила Урсула. – Ты меня обнимешь, наконец?

– Легко.

Я обнял. Мне почудилось, будто в этот момент зазвучала музыка. Урсула же, видимо, сделала мысленную зарубку, потому что три года спустя, объявляя о грядущем прибытии Последыша, она выразилась следующим образом: «Я беременна. Ребенок не от тебя». Ну, разве можно не восхищаться женщиной, которая выжидает три года, чтобы поквитаться?

Вот так мы вчетвером здесь и поселились. Должен согласиться с Урсулой: это не совсем то место, где нам следовало жить. Вы уже, вероятно, догадались, что подвох состоял в месторасположении нашего дома – район в Северо-Восточной Англии был настолько ужасен, что прави-

⁵ Пит Мондриан (1872–1944) – голландский художник-авангардист, строивший композиции из линий и прямоугольников.

тельство обратилось в Евросоюз за деньгами, чтобы ввести у нас военное положение. Магазины здесь хорошие, и лично мне больше ничего и не надо, но Урсуле не нравились банды подростков, которые угоняли машины, грабили квартиры и временами устраивали уличные мятежи. Я никогда не признаюсь, что Урсула всегда и во всем права, но, по крайней мере, в одном пункте даже я с ней согласен – наш район не из тех, где хорошо растить детей. Дайте детям картонную коробку с нарисованными колесами, и Джонатан с восторгом сообщит Питеру: «Классно, ты закоротишь провода и заведешь движок, а я взломаю замок рулевой колонки».

За завтраком, то бишь в течение сорока минут, Урсула успела несколько раз напомнить о своем желании переехать. На работе, в ожидании перерыва на обед, я вяло обмозговывал эту проблему. Каждый день ровно в час дня мы обедали вместе с Трейси и Ру. Каждый день, начиная с утра, я продирался к этому заветному рубежу, обламывая ногти. Поразительно, какой изнурительной может быть имитация бурной деятельности. Иногда к наступлению перерыва на обед мое лицо уже ныло от хмурой гримасы, призванной изобразить сложные мыслительные процессы по ту сторону лба. Порой я срывался и действительно принимался за работу, чтобы отвлечься. После чего неизменно осыпал себя горькими упреками, ведь в университете имелось предостаточно людей, единственная обязанность которых состояла в том, чтобы найти для меня работу. Если я находил ее сам, значит, другие впустую тратили время и ресурсы, с чем решительно боролось вышестоящее начальство.

Вот с какими трудностями мне приходилось сталкиваться ежедневно до наступления обеденного перерыва. Серьезно обдумывать при этом еще и переезд – чересчур для любого работника.

– Если бы тебе разрешили убить человека, кого бы ты убил? – Я поставил чай и бутерброд с беконом на столик, за которым уже сидели Трейси и Ру.

– Папу Римского и Зои Болл,⁶ – выдал ответ вместе с облаком табачного дыма Ру.

– Не выйдет, – прищурилась Трейси. – Два человека получается.

– А мне по фигу. Я бы рискнул. Выбрать между ними нереально – полный тупик. Если бы я убил только одного из них, меня бы потом загрызли сомнения и я стал бы эмоциональным калеккой.

– Не могу сказать, что слежу за теологической модой, – заговорил я, набив рот хлебом, – но ты, кажется, католик. Убийство Папы Римского для католиков типа грех?

– Был бы грех, не будь я католиком. Тогда я бы видел в Папе Римском всего лишь старикана в шляпе! Убить старикана в шляпе – действительно грех, тут церковь права. Но я – католик, и любая идиотская мысль, которая приходит ему в голову, по идее должна прямоком влиять на мою жизнь, в таком случае убийство Папы Римского значит не более чем выступление в прениях.

Ру работал в магазине комиксов неподалеку от университета. Наверное, вы уже рисуете в воображении стереотипный образ продавца магазина комиксов? Сразу замечу: вы правы по всем статьям. Для Ру люди были не более чем бумажными куклами. Положим, у нас была реальная жизнь, семьи, биография – Ру допускал такую возможность, – но в значимости, выпуклости и оригинальности мы безнадежно уступали тому же Проповеднику или Стронциевому Псу. Сам Ру был неопределенного возраста – где-то между 19 и 52, – на его фигуре, мосластой, целиком состоящей из острых углов, болтался неизменный ансамбль из джинсов и футболки. Когда вы сидели рядом с ним, у вас возникало нехорошее чувство, что сама природа высасывает из вас молекулы жира, чтобы хоть как-то исправить жуткий дисбаланс в теле соседа. В придачу Ру смолоду облысел. Как и многие мужчины, в чьих действиях трудно обнаружить логику, Ру решил скрыть этот факт, сбривая начисто все волосы. Его голова напоминала крупный, лишенный красок плечевой сустав со вставленной в него сигаретой.

⁶ Популярная ведущая английского телевидения.

- А мне Папа нравится, – вставила Трейси.
- Еще бы, ты ведь любишь наряжаться монашкой. Но конечно, не это главная причина твоей любви к Папе, да? – на секунду опередил я Ру.
- Мне кажется, что он добрый. И на всяких разных языках говорит.
- Ру вздохнул.
- Представь себе человека, бегущего по улице, – начал он.
- Чего-чего? – Трейси сморщила нос.
- Представь себе человека, бегущего по улице.
- Ну, представила.
- Он бежит во всю прыть, отчаянно пытаясь догнать автобус, который от него за двести метров и вот-вот отъедет от остановки.
- Ага.
- Человек делает последний рывок, машет руками, аж мелочь летит из карманов.
- Угу.
- До автобуса остается еще добрых сто пятьдесят метров, и тут человек спотыкается о маленькую собачку – хотя бы йоркширского терьера, – которая невозмутимо переходит дорогу. Человек падает. Неуклюже летит на мостовую посреди оазиса бездушия, образованного отскочившими в стороны прохожими. Какая досада! Напрасно старался. Только рукав на локте порвал. Водитель автобуса, ничего не замечая, трогает с места. Полный пролет.
- Ну и?
- А теперь на месте человека представь себя, а на месте автобуса – «здравый смысл».
- Вот спасибо! Как я сама не догадалась. А ты еще и трепло, оказывается.
- Кому какое дело, что Папа говорит на ста языках? Он – Папа. А хренотень, она и есть хренотень на любом языке. Я бы предпочел, чтобы Папа знал один корнуэльский диалект, но не порол всякую чушь.
- Боюсь, тут я согласен с Ру, – признал я.
- Ты-то согласен. Но – вот сюрприз! – атеистов не допускают к выборам Папы.
- Цыц. Дело не в Папе, дело в принципе. Совершенно неважно, что он лингвист-самородок. Представь себе парня...
- Если этот парень опять побежит за автобусом, я сразу уйду.
- ...и парень говорит: «Эй, я знаю, у меня завтра тяжелый день, ну да черт с ним, как-нибудь выкручусь, а сейчас – айда на дискотеку, но сначала нарежемся до поросычьего визга!» Из такого парня получится ценный друг, но вазектомию я бы ему не доверил делать. Теперь понятно? Разные функции требуют разных качеств.
- Начинаю подозревать, что вас грызет зависть. Вы так ловко умеете разводить байду, а в Папы все равно не берут, вот вас и корчит.
- Странно, как Терри Стивена Рассела еще Папой не сделали. Он разводит байду на международном уровне, и не первый год.
- Может быть, уже сделали. Из университета же он уходит, – ответила Трейси, прихлебывая чай.
- Что? ТСП уходит?
- Да-а-а, вроде бы другую работу нашел.

Я посмотрел на Ру, тот утвердительно кивнул.

Вечно так в УСВА. Любая действительно полезная информация всплывала в кафе «У Патрика» задолго до того, как попадала в одну из тысяч проектных групп, созданных в университете специально для обеспечения быстрого обмена информацией на всех уровнях. То в очереди окажешься за стойкой болтливых секретарш, то за соседним столиком труженики из пенсионного отдела обсуждают какое-нибудь скорое нововведение. Многие намеренно назначали деловые встречи в кафе, на нейтральной территории (где разрешалось курить). Если УСВА

– это Вторая мировая война, то «У Патрика» – это кафе Рика в «Касабланке».⁷ Трейси и Ру проводили там уйму времени за кофе и пассивным подслушиванием, поэтому они были жутко информированы, а ведь Трейси даже не работала в университете. Она работала продавщицей в магазине, специализировавшемся на «одежде для досуга» – униформах медсестер, резиновых корсетах и кожаных штанах с большим вырезом между ног. Не могу вообразить, кто покупает такие вещи, но на этом рынке явно царило оживление. Пару раз я попробовал купить Урсуле в меру приличное кружевное белье, но получил по носу. Урсула держала бельишко двумя пальцами на отлете, будто носок бездомного бродяги, и чеканила: «Неужели где-то в закоулках твоих мозгов могла возникнуть мысль, что я *такое* надену?» Однако прорва продаваемой «одежды для досуга» означала, что каждая третья встречающая женщина спешит домой, чтобы быстренько переодеться в прорезиненную форму стюардессы. Когда я пытался угадать, кто именно эта каждая третья, становилось немного не по себе.

– Когда вы узнали о том, что он увольняется? И куда уходит?

Трейси пожала плечами:

– Куда – не имею понятия, но что уходит – об этом всем известно уже неделю или больше.

Ру невпопад завел разговор о том, чем бы он намазал тело Анны Николь Смит,⁸ но, хотя он разглагольствовал с великим энтузиазмом и обилием экспрессивных подробностей, я слушал вполуха. ТСП увольняется? И никому ни гуту.

Вернувшись на работу, я попытался найти самого ТСП, но он никак не давался в руки. А потом стало не до того: компания студентов стащила огнетушитель, чтобы поливать друг друга на вечеринке, и он у них нечаянно сработал в лифте. Когда двери лифта разъехались, за ними открылась пещера Санта-Клауса, населенная злобными троллями. Меня закрутило в водовороте перебранки. Студенты возмущались, что огнетушители слишком легко включаются, и, если пена испортит их вещи или одежду, грозили подать на университет и меня лично в суд и пустить нас по миру. Юридические дебаты продолжались до тех пор, пока – какая жалость! – не настало время идти домой.

– Как на работе?

Урсула, ухватив Последыша за подбородок, чистила ему зубы. Она делала это с такой быстротой и остервенением, что пена лезла у мальчика изо рта, как у заболевшего бешенством животного. У Последыша был обреченный вид котенка, которого, держа зубами за шиворот, тащит кошка-мать. Умение сохранять безучастное выражение при манипуляциях с его физиономией пригодится парню, когда лет через шесть тренер будет накладывать ему швы в перерыве поединка на звание чемпиона мира по кикбоксингу в тяжелом весе, которое Питер завоеует в пятый раз.

– А то ты не знаешь – как обычно. Урсула наклонила Питера над раковиной и скомандовала:

– Аусшпукен!⁹

Питер аусшпукнул – часть выплюнутого даже попала в раковину – и тут же засучил ногами в воздухе. Как только его опустили на пол, он со свистом пронесся через две двери, разражаясь смехом, когда на что-нибудь натыкался.

– Заботливый партнер теперь спросил бы, как я провела день.

– Даже если партнеру хватает такта, чтобы не грузить подругу разговорами о собственной работе? Даже тогда?

– Ванесса на планерке в финотделе опять всех достала.

– Ясно.

⁷ Имеется в виду одноименный художественный фильм 1942 г.

⁸ Актриса, снимавшаяся в эротических кинофильмах.

⁹ Выплюнуть (нем.)

– А тебе плевать, верно?

– Не дури, я...

– Выходит, я дура?

– Я не называл тебя душой, просто предложил не дурить в конкретной ситуации.

– Это одно и то же.

– Нет. «Дура» – это одно, «не дури» – совершенно другое. Так, с этим мы разобрались, теперь вернемся к «ясно», которое вовсе не означает, что «мне плевать», скорее «я понял, но мы уже говорили на эту тему раньше, обсосали ее до косточек, и я не вижу, что бы еще можно добавить к прежним двадцати дискуссиям, поэтому, наверное, не стоит начинать все сначала, а лучше позволить Пэлу спокойно посмотреть новости».

– У тебя, я вижу, совсем нет никаких навыков межличностного общения.

– Нет, есть.

– Нету.

– Есть.

– Нету.

– Есть!

– Нету!

– Давай прекратим, мы ведем себя как дети.

При этом я прошептал «есть», но так, чтобы Урсула не услышала.

– Ванесса...

– Хорошо, что там с Ванессой?

– Ванесса велела мне переписать всю статистику за последнюю неделю и смылась, прежде чем я успела ей возразить. Даже не объяснила почему...

– Просто она тебя терпеть не может.

– Это не повод.

– Ты возбуждаешь в людях сильные чувства, мне ли не знать. Но не в этом дело. Дело в том, что Ванесса страшна как бабуин.

– Разве? Нет, дело в том, что эта работа мне надоела до чертиков. – Урсула взяла с холодильника миску с капустным салатом. – Хочу бросить работу и посидеть дома с детьми.

– Понимаю, но мы на эту тему уже говорили, не правда ли? Помнишь фразу «умрем голодной смертью»? Она очень часто звучала. Ты что, собираешься есть этот салат?

– Собираюсь.

– Ну-ну.

– А в чем дело?

– Ни в чем. Все нормально. Кажется, этот салат в основном состоит из лука и сырой капусты?

– Ну и что?

– Я тут думал, что вечером можно было бы заняться сексом...

– Ты и меня планировал привлечь?

– Ну...

– Знаешь, чего я больше всего не люблю?

– Ладно тебе. Я об этом всего-то раз попросил.

– Больше всего я не люблю не то, что ты пытаешься контролировать мой рацион ради собственных сексуальных прихотей, а то, что ты не можешь сказать без уверток, что имеешь в виду. Начинаешь издали: «А-а, я вижу, ты ешь карри», потом: «Ведь там есть чеснок?» – а мне полагается дотумкать: «Постой, чеснок! Как же я сразу не сообразила!» Короче, я намерена тебя игнорировать. Сейчас съем всю миску салата, и если ты меня действительно любишь, тебе будет без разницы.

– Ага, «любовь сильнее лука» – убойный аргумент. А я вот что сделаю: буду носить эти трусы две недели, посмотрим, как ты запоешь.

– Если бы я не стирала белье, ты бы всегда носил трусы по две недели, и мы оба это знаем.

А настоящую печь украсть слабо?

Потеряв охоту к сексу, мы с Урсулой легли в постель и приняли «обиженную позу № 4». Поза напоминает букву «Х», каждый из нас – половинка буквы. Но буква получилась корявая, потому что в середине у нее не было смычки. Для смычки мы должны бы касаться друг друга задами. Однако «обиженная поза» не позволяет соприкоснуться какими-либо частями тела, иначе она теряет всякий смысл. А вот издавать звуки, напротив, разрешается, и в некоторых позах они даже обязательны. К примеру, в «обиженной позе № 2», когда один участник образует половинку буквы «Х» (лежит отвернувшись), а другой – строгую букву «I» (лежит на спине с широко раскрытыми глазами и глядит в потолок). Если человек в положении «I» не издает частых вздохов и не хмыкает, чтобы побудить половинку «Х» спросить: «В чем дело?» – он теряет очки. Но чтобы прикоснуться к партнеру – боже упаси.

Скрючившись и замерев, я, в конце концов, уснул. Засыпал я, разумеется, долго и мучительно. Человек в «обиженной позе» всегда так засыпает, потому что сопротивляется сну. Не хочется ведь заснуть и пропустить момент, когда другая сторона выскажет какое-нибудь замечание, на которое можно отреагировать притворным храпом. Мне снился подвал музея секса в Амстердаме. Передо мной стояла намазанная медом Хелена Бонэм Картер¹⁰ и, томно вздыхая, приговаривала:

– Я тебя хочу, Пэл. Я всегда тебя хотела.

В этот момент Урсула, тряся за плечо, вернула меня на Сент-Майклз-роуд, в липкую мутную действительность.

– Слышал шум?

– Нет.

– Я уверена, что слышала, как хлопнула входная дверь.

– Наверное, чья-нибудь собака.

– Ну да, конечно. Будто лай собаки нельзя отличить от треска взломанной двери. Идиот.

– Я же не лающую собаку имел в виду...

– Тихо. Вот оно...

Я прислушался. Тишина.

– Ничего не слышу.

– Сходи вниз и посмотри.

– О-о, какого черта.

– Сходи. Мужчина ты или нет?

– Почему весь ваш феминизм мгновенно испаряется, когда надо вылезти из теплой постели и спуститься вниз в три часа ночи?

– А если там кто-нибудь есть? Хочешь, чтобы меня убили?

– А ты хочешь, чтобы меня убили?

– Замолчи и сходи посмотреть. Там точно кто-то есть... Теперь-то слышишь?!

Я действительно услышал. Снизу явственно доносились звуки шагов. Невозможно передать охватившую меня оторопь. Похоже, пока мы спали наверху, кто-то забрался в наш дом. Урсула оказалась права, и отрицать это не было никакой возможности. И не просто права – при мысли о том, сколько выгод она извлечет из своей правоты, меня бросало в противную тоску. Отныне, если ей посреди ночи почудится какой-нибудь подозрительный шорох, я буду *обязан* встать и проверить. Мои вялые возражения будут безжалостно раздавлены доводом, словно червяк каблуком: «А помнишь тот случай...» Хоть плачь, ей-богу.

¹⁰ Голливудская актриса.

Я выудил из-под кровати тренировочные штаны и начал красться к двери. Вот именно, красться. Почему – одному богу известно. Ведь это тот, кто был внизу, должен красться, мне же у себя дома положено передвигаться в полный рост.

– Будь осторожен, – шепнула Урсула, когда я приоткрыл дверь спальни.

– И как это понимать? Поконкретнее, пожалуйста.

– Просто будь осторожен, и все. Он там, возможно, не один, у них может быть оружие, они могут оказаться маньяками или наркоманами.

– А-а, теперь ясно... И ты по-прежнему настаиваешь, чтобы я спустился вниз?

– Да-да, поторопись. – Урсула высунула руку из-под одеяла, которым прикрывала наготу, и указала на дверь.

Я обреченно ступил на лестничную площадку; прищурясь, глянул вниз на уходящие в темноту ступени. Помедлив секунду, попытался собраться с мыслями, но процесс не занял слишком много времени, ибо все мои мысли сводились к одной: а пошло оно все. По мере моего приближения к двери гостиной посторонний звук становился отчетливее. Когда я спустился вниз и застыл у самой двери, звук стал распадаться на мелкие разновидности – шарканье, легкий скрежет, приглушенное кряхтение. Меньше всего я жаждал выяснить, что означает кряхтение. За дверью происходило неведомо что, и мне не улыбалось стать свидетелем какого-нибудь действия, дающего повод кряхтеть. Как бы то ни было, шаг вперед выглядел намного предпочтительнее возвращения назад, к Урсуле. Я нажал дверную ручку и переступил порог.

Боже, полный разгром! В гостиной будто порезвились сумасшедшие, повсюду раскидав детские игрушки и журналы... Но именно в таком виде я оставил комнату, когда пошел спать. Беспорядок мог бы меня успокоить, если бы боковым зрением я не углядел массивную тень, выскользнувшую из гостиной в тот момент, когда в нее вошел я. Тень нырнула в переднюю комнату, чем я успел повернуть голову.

Я быстро выскочил в переднюю. В направлении входной двери шустро двигалась наша микроволновая печь, путешествуя под мышкой коренастого крепыша в неброском спортивном костюме. Он явно слышал шум сзади, потому что обернулся и встретился со мной взглядом. Я выбросил вперед руку с вытянутым указательным пальцем, словно подзывал такси.

– Гм. Минуточку... Какой я смелый, а?

Взломщика, очевидно, не интересовало, что я хотел сказать, он рванул через калитку и пустился бегом по улице. Крикнув «эй», годное на все случаи жизни, я бросился в погоню. Не иначе, Урсула следила сверху за развитием событий, потому что стоило мне выбежать во двор, как она высунулась из окна и завопила: «Сволочь!»

Она продолжала выкрикивать похожие по смыслу слова, а я бежал по дорожке за грабителем. Урсула напоследок запустила в него тяжелой деревянной сандалией. Та угодила прямо хонько мне в затылок.

– Молодчина! – проорал я, не оборачиваясь. – Спасибо за помощь!

Мужик бежал не останавливаясь, то возникая, то исчезая в свете редких уличных фонарей, тех, что уцелели после состязаний в камнеметании среди местной молодежи. Я пыхтел следом, исправно играя роль догоняющего. Вставал справедливый вопрос «а зачем?», потому что, догони я его, я бы не знал, что с ним делать. Скорее всего, пришлось бы умолять, чтобы не лишал меня жизни. Вор заложил вираж и скрылся в переулке. Я свернул за тот же угол и успел заметить, как вор метнулся в узкий проход между домами. Когда я добежал до проема, ноги ворюги тяжело топали по утрамбованной земле метрах в двадцати от меня в быстром, в такт моему сердцебиению, темпе.

Теперь можно немного перевести дух. Зря я пренебрегал утренней зарядкой. Из узкого прохода мужику деться было некуда, но он значительно превосходил меня в скорости. А ведь он еще и микроволновку тащил. К моему дыханию начал примешиваться предсмертный хрип, а ноги словно опьянели. Мозг призывал: «Беги, беги как ветер!» – но ноги превратились в

резиновые ходули и саботировали без зазрения совести. Придется остановиться. Я еще разок трепыхнулся и встал, сложившись пополам, как большая неровная буква «Р». Грабитель растворился в ночной мгле. В изнеможении потряс я кулаком и, еле дыша от натуги, чуть слышно прохрипел: «Поймаю – убью».

Дома Урсула ждала на пороге в одной сандалиии.

– Ну что?

– Его ждала машина, – махнул я рукой в неопределенном направлении.

Я вызвал полицию и выполнил положенный ритуал. Оказалось, грабитель кроме микроволновой печи прихватил несколько ложек. Ящик кухонного стола был открыт, а лежавшие в нем ложки пропали. Возможно, где-то в тайном убежище наш грабитель встретится с удачливым напарником, стащившим кастрюлю супа, – то-то попируют. Местная полиция не стала прочесывать район на вертолетах, но через обычные расспросы пришлось пройти – страховая компания потребует назвать номер полицейского рапорта.

Я тихо бесился. В самый поганый час ночи я сидел с кружкой холодного чая (отпив глоток, подумал: «Чай холодный, надо поставить на тридцать секунд в микров-а-а-у-у чтоб тебя!»), когда в гостиную вошла Урсула с сонным Джонатаном на плече и посмотрела на меня – жутко, жутко посмотрела. Мне захотелось попросить полицейских, чтобы они не уезжали. Питера не разбудил бы и взрыв магистрального газопровода, а вот Джонатан проснулся от голосов и мелкой возни. Он спустился вниз с выражением легкого, застенчивого удивления, какое бывает у детей, разбуженных посреди ночи. Полуприщуренные со сна глаза, а в них сплошное недоумение.

Ох, как я был зол.

Незванный гость проник в наш дом с помощью короткого куска арматуры, прихваченного на соседней стройке, саданув им с разбега прямо в дверной замок. Сам замок (и два других, которые мы по одному с церемониями добавляли после каждого предыдущего взлома) выдержал, а вот деревянная дверная филенка не устояла. Замки беспомощно свисали из косяка, как подбитые птичьи крылья. Полиция объяснила тонкости, открыв мне глаза на холодную расчетливость взлома. Взломать дверь ломиком в доме, где спят люди, вряд ли получится. Слишком много будет скрежета, треска и хруста. Если же вынести дверь одним мощным ударом, получится громкий, но одиночный звук, и потом сразу наступает тишина. Спящие жильцы отметят удар про себя в глубоком сне, но, не услышав продолжения, снова вернуться в бессознательное состояние, даже толком не проснувшись. Коварный вор терпеливо ждет. Если через пару минут никто не выходит, он считает, что опасность миновала, спокойно заходит в дом и делает свое дело.

При виде столь неприкрытой и наглой самоуверенности у кого хочешь начнут ходить ходуном желваки, я же кипел от злости так, что чуть не взорвался. Попробуйте вломиться в мой дом в то время, когда я мирно сплю наверху, и я не пожалею, если вам перегрызет глотку свора собак, и плевать мне на последствия. Но в доме был не только я. Во-первых, там была Урсула. Представьте такую картину: она, совершенно не готовая к визиту незнакомца, в длинной, до колен, футболке с рекламой «Гиннеса» и дырками на подмышках, в разномастных шерстяных носках, лежит, ничего не подозревая, в постели, пока этот гад шурудит внизу. А дети? Мой гнев вспыхнул с двойной силой. Этот тип был внутри, когда мои дети – они вдруг предстали перед моим мысленным взором беззащитными крошками – спали наверху, открыв ротки, свернувшись калачиком, вверив нам свои жизни. При этой мысли мне почудилось, будто я мечусь внутри собственного мозга, пытаюсь пробить дыру в плотине цивилизованности, которая трещит под напором моей ярости. Справедливости ради я попробовал пожалеть грабителя. Но все доводы, начинающиеся фразами о «социальном неравенстве» и «нехватке возможностей», почему-то очень быстро сменялись видением: злоумышленник привязан изолентой к стулу в заброшенном ангаре, а я охаживаю его куском кабеля. Страшны либералы во гневе.

Разговор с Урсулой был неизбежен, но, к счастью, полиция, записывая подробности, задержалась почти на сорок минут, так что мою пылающую жажду мести слегка остудили формальности. Но настал момент, когда полицейские ушли. На выходе одна из офицеров остановилась, потрогала разбитый дверной косяк и посмотрела на нас.

– Надо же вам было поселиться в этом районе!

– Здесь магазины хорошие.

Ответ Урсулы предназначался не офицеру – мне. А в придачу и взгляд, от которого у меня волосы на голове едва не вспыхнули. Я закрыл дверь, подпер ее стулом и обернулся – Урсула молчала.

– Знаю-знаю, – сказал я.

Пока Урсула относила Джонатана наверх и укладывала его спать на нашей кровати, я улизнул позвонить дежурному слесарю. Когда я вполз на брюхе в комнату, она ждала, зависнув на краешке постели, руки туго сплетены на груди – жест, не предвещавший ничего хорошего.

– По-моему, – начал я с серьезной миной, – уже поздно искать виноватых.

Было так тихо, что я слышал звук собственного дыхания.

– Нас всех могли забить насмерть во сне. А тебя, кстати, эта участь еще не миновала.

– Чего в жизни не бывает. Ну, не повезло. Ладно, я согласен, в нашем районе такое нередко случается, но...

– Иди на хер, ты хер...

– Правильно будет «иди на хер» или «иди ты на хер» (ну не удержался я, не удержался).

– Я, кажется, – и я с тревогой заметил, что она сжала кулачки, – ясно выразилась. Еще раз: иди на хер, ты – хер. Теперь понял?

– Я... да.

– Этот район, а мы живем здесь по твоей вине, не забывай, – самое запущенное отделение ада. С меня хватит. Более чем хватит. А теперь я... я...

– Ты...

– Попробуй еще раз договорить вместо меня, и я тебе язык вырву, клянусь. А теперь... С меня хватит. Завтра ты обойдешь всех риелторов в городе и возьмешь у них списки домов на продажу.

– Хорошо.

– Потом ты назначишь встречу по каждому подходящему варианту.

– Хорошо.

– Потому что мы не станем жить здесь ни одной лишней секунды.

– Да.

– Ты пойдешь к агентам завтра же.

– Ну да, да. «Да» – это слово, означающее согласие. Можешь остановиться уже. Я говорю «да».

– Завтра же пойдешь.

– Р-р-р, хорошо, завтра.

– Пойдешь. Не воображай, что у тебя получится отвертеться.

– Может быть, хватит? Пойду, можешь больше не повторять.

– И все это – твоя вина.

– Моя.

– Это ты уговорил меня купить этот дом, значит, твоя.

– Послушай, я уже сдался. Да, ты права. Права! Не знаю, как еще яснее выразиться. Ты права, и я это признаю. Что тебе еще от меня надо? Чтобы я повесил плакат на шею и ходил с ним по улицам?

– Такое только в Англии бывает. В Германии людей не грабят прямо у них дома.

– Чего? А вот это ты загнула.

– Не загнула. Меня там ни разу не ограбили, и никого из моих знакомых не ограбили. В Германии такого просто не бывает.

– Прости, но ты, конечно, способна подтвердить это с цифрами в руках?

– Завтра же начнешь обход риелторов.

– Я думал, что мы эту тему уже обсудили.

– Я от тебя не отстану.

– Уже понял.

– Помнишь, мы ходили смотреть дом, а потом ты долго мялся и жался, пока его не продали.

– Я не мялся. Тот дом был нам не по зубам. За него просили сто пятьдесят тысяч фунтов. Нам бы даже на клумбу перед ним не хватило.

– Он был такой красивый.

– Остров Бали тоже красивый. Может, купим?

– Завтра же пойдешь по агентам.

– Да!

– Потому что мы переезжаем – поставь точку.

– Ты хотела сказать «мы переезжаем, точка»?

– Я сейчас ударю тебя по лицу.

На следующий день я взял больничный. Заболеть человеку не возбраняется, но если тебя ограбили – разбирайся как сумеешь. Итак, у меня был свободный день, чтобы уладить дела с замками и страховкой. Я также не исключал поход по риелторам.

Всех риелторов следует посадить на списанный военный фрегат, отбуксировать в самую глубокую часть Атлантического океана и утопить. В последнее время риелторы вслед за юристами и торговыми агентами превратились в героев черной комедии. Всякий раз, стоит им сказать, кем они работают, люди либо осеняют себя крестным знаменем, либо смеются. Я же смотрю на явление по-другому, в моем понимании риелторы с театральным закатыванием глаз и юмором никак не совмещаются. Поэтому вместо «ах уж эти риелторы!» я говорю «всех агентов по недвижимости следует посадить на списанный военный фрегат, отбуксировать в самую глубокую часть Атлантического океана и утопить». И все-таки мне пришлось бродить по центру города, собирая буклеты в их офисах, застеленных ядовито-кремовым ковролином и обставленных уродливой трубчатой мебелью. Мне предстояла тяжкая задача – выбрать одну конкретную компанию и поручить ей продажу нашего дома. Сначала следует продать свой дом, потом уж пытаться купить другой, это – прописная истина, поэтому я решил заткнуть фонтан эмоций и быстренько выбрать фирму.

«А нужно ли продавать?» – вдруг подумал я, потирая подбородок. Ссуда почти выплачена. Мы внесли несколько крупных разовых платежей, самый крупный пришел из Германии. У Урсулы там имелась тетка, которая померла и оставила ей несколько тысяч фунтов назло собственным детям. Как я люблю злорадное хихиканье с того света! Однако продажа нашего дома наткнулась на две трудности: а) какой человек, если он в своем уме, станет покупать дом в нашем районе; б) придется иметь дело с риелтором, который за здорово живешь отнимет у нас сотни кровных фунтов, рассмеется в лицо как гиена и пойдет дальше обирать бедных сирот. Обе проблемы можно прихлопнуть одним ударом, если сдать дом в аренду. Появится регулярный доход, который пойдет на выплату новой ссуды. Кроме того, если продажа дома требовала вмешательства сверхъестественной силы, сдавать в аренду – гораздо проще. Можно пустить жить студентов. Студенты согласятся на что угодно. Да, лучшего решения не найти. Не будь вокруг людей, я расцеловал бы сам себя. Стоя на пороге «Службы по сделкам с недвижимым имуществом. Пиявкер и сыновья», я окончательно и бесповоротно решил – будем сдавать. Когда подойдет время, повешу предложение на доске объявлений в университете. Дело сде-

лано. Теперь можно дать волю творческому импульсу – с недельку повообразать себя гением всех времен и народов.

Благодаря мастерскому решению всех вопросов у меня оставалось в запасе несколько часов – я успевал вернуться домой и, поставив рядом пылесос, посмотреть телесериалы, действие которых происходило на мясокомбинатах и в швейных мастерских. Ключа от нового замка у Урсулы не было. Вернувшись домой, она заглянула внутрь через окно. Я вовремя почуял ее появление, и Урсула застала меня всецело погруженным в процесс чистки пола пылесосом. Чтобы привлечь внимание, ей даже пришлось стучать в дверь три раза. Я открыл, тяжело вздохнул и широким жестом вытер пот со лба.

– Ты ходил к риелторам?

– Ой! Как я мог позабыть!

Выдержав паузу и убедившись, что ее неподвижный ледяной взгляд и молчание не сменяются смехом и тычком в плечо со словами «ну и шуточки у тебя», я направился в гостиную.

– Все буклеты – на столе.

– Ясно. Ступай заberi детей, а я выберу дома, в которых мы будем жить.

– Я думал, что одного вполне хватит, разве не так?

– Спасибо за комментарий, но решения теперь принимаю я.

Почти настоящая карьера

На следующий день я вернулся на работу с новым зарядом энтузиазма, накопленным за короткую отлучку. С разочарованием отметив, что учебный центр не сторел дотла в мое отсутствие, я попытался наверстать упущенное. Только я успел открыть почту («вам поступило 926 новых сообщений»), как вдруг зазвонил телефон. Звонили по местной линии.

– Здравствуйте, Пэл. Это Бернард. Не могли бы вы на минутку заглянуть в мой кабинет, и чем скорее, тем лучше?

– Сейчас буду.

Бернарда я застал в мрачном расположении духа. Нет ничего более душераздирающего, чем расстроенный уса́тый мужчина – словно мало ему проблем с усами. Впрочем, уныние и подавленность не покидали Бернарда никогда. Родился он в графстве Даун, и, хотя его североирландский акцент почти улетучился, «нет» он произносил на прежний манер, будто блял – «не-е-ы-т». А в минуты стресса и вовсе вдруг начинал говорить как ребенок на постэмбриональном этапе. С акцентом или без оного, Бернард неизменно сохранял вид человека, по ошибке приговоренного к пожизненной марокканской каторге.

– Мне поступила жалоба.

– На кого? От кого?

– Об этом чуть позже. Заметьте, я вызвал вас, а не вашего непосредственного начальника. В обычной обстановке с вами бы говорил Терри Стивен Рассел. Но Терри Стивен Рассел ушел.

– Ушел? Вы хотите сказать, что он уволился из университета?

– Именно. Вчера утром он еще был здесь, а после обеденного перерыва его уже не было.

– Он не объяснил, куда уходит?

– Нет.

– А вы спрашивали?

– Я даже не видел его. Вернулся с обеда и нашел на дверях записку.

Бернард подал мне бумажку-самоклейку. На ней было написано: «Увольняюсь с этой самой минуты». Для ТСР записка довольно многословна, подумал я.

– Я, конечно, зашел к нему в офис, – продолжал Бернард, – но его уже след простыл. В личном шкафчике пусто. Уэйн сказал, что перед уходом ТСР наскоро попрощался с сотрудниками компьютерной группы и оставил каждому в подарок по степлеру.

– Ух ты.

– Разумеется, степлеры оказались собственностью учебного центра, пришлось вернуть их в шкаф для хранения канцелярских принадлежностей.

– Быстро вы среагировали.

– Видите ли, уход вашего начальника ставит нас в щекотливое положение. Я сегодня утром говорил с кадровиками насчет объявления о вакансии, но пока суд да дело, пройдет не меньше месяца. И это при самом оптимистичном раскладе. Если хоть один из трех комитетов, которые утверждают текст объявления, найдет к чему придраться, придется все начинать сначала.

– Разумеется.

– Поэтому хочу вас спросить, не могли бы вы замещать ТСР и выполнять его работу, пока мы не найдем человека на его место? Сами понимаете – платить его зарплату мы вам не можем, но вы бы нас сильно выручили, да и полезный опыт приобретете.

Я смутно представлял себе, в чем именно состояла работа ТСР, но, если на то пошло, он и сам этого не знал, что его ничуть не смущало. Было бы глупо отказываться от повышения по службе, пусть даже на время и без оплаты.

– А как быть с моей нынешней работой? Ее кто будет делать?

– Переводить кого-нибудь на вашу должность всего на пару недель было бы неразумно. А что, если вы и ее сохраните? Обе должности требуют тесного взаимодействия, в определенном смысле вам же будет легче – в плане обмена информацией.

Бернард явно все обдумал заранее.

– А-а. Ну хорошо.

– Прекрасно. Поздравляю, вы – новый МУКГЗПОиО учебного центра.

Еще ни один человек не придумал легкий способ выговаривать сокращение «менеджер по управлению компьютерной группой, закупкам программного обеспечения и обучению» (название полтора дня рожали администраторы двух отделов), поэтому все произносили его по складам: «МУ-КЭ – ГЭ-ЗЭ-ПО-И-О». Через некоторое время человек привыкал и без труда выплевывал «мукзэпой». Главное, все прекрасно понимали, что имеется в виду. Назови они должность «менеджером по информационным технологиям», и люди из других отделов могли бы подумать бог знает что, а так всем было ясно, что за зверь «мукзэпой».

Бернард пожал мне руку.

– Жаль вас огорчать, но вашим первым заданием на посту мукзэпоа должен был стать серьезный разговор с диспетчером компьютерной группы. Но так как вы и есть диспетчер, я, пожалуй, вас подменю. Я уже говорил, что мы получили жалобу.

– Помню, продолжайте.

– Вчера Карен Рубон проводила демонстрационное занятие на факультете гуманитарных наук. Она утверждает, что договорилась с вами о доставке необходимых пособий, но, когда она явилась на место... их там не оказалось. Ей не только пришлось просить группу информационной поддержки оказывать ей поддержку, что, разумеется, не входит в обязанности группы – их менеджер прислал мне краткое напоминание, – но она также не смогла на месте показать студентам скульптуры Пьера, потому что никто не согласился их переносить. Студентам пришлось самим спускаться вниз в студию Пьера. Карен была очень и очень недовольна. Хорошо, я знаю, что вы вчера болели, но вам следовало найти себе замену. Перепроверять и подстраховываться положено всем, не так ли? Вот черт, совсем забыл!

– Я не забыл, – с обиженной миной ответил я. – Я договорился с ТСР, что он все организует.

– А-а, вот как. Значит, это он запомнил или, торопясь уйти, попросту наплевал.

– Мне страшно неловко. – Я сокрушенно покачал головой. – Вам следовало вызвать меня, я бы приехал и во всем разобрался. Несмотря на приступы тошноты с мигренью, я бы мог пару часов походить в сварщицких очках – они хорошо приглушают свет и предохраняют лицо от ушибов, когда человек теряет ориентацию и равновесие.

– Не-е-ыт, конечно, вы не виноваты. Откуда вам было знать, что ТСР тоже не выйдет на работу. Просто так получилось.

– И все-таки у меня на душе кошки скребут. Бедняжка Карен.

– «Жаль, что я не знал об этом в восемнадцать лет!» О чем «об этом», а? – спросил я.

– О том, что нельзя питать надежды, – ответил Ру, насыпая табак в папиросную бумагу. Трейси наблюдала через стол, как я усаживаюсь.

– Ру надо привлечь к записи кассет для духовного аутотренинга.

Я не проявил энтузиазма.

– В нем действительно есть что-то от мессии. Как бы нам не высвободить энергию, которую мы не сможем потом обуздать.

Ру на одном длинном вдохе раскрутил самокрутку, и откинулся на спинку стула, пуская завитки дыма.

– Сегодня утром со мной случилось кое-что интересное.

– Со мной тоже. Отгадай, что именно.

Ру сделал еще одну длинную затяжку.

– Погоди. Так вот, мое утро. – Он стряхнул пепел в пепельницу, но продолжал постукивать по сигарете, хотя стряхивать уже было нечего. – Ко мне в магазин опять заглянула Женщина. Искала третий номер «Вампиреллы» с ограниченным тиражом.

– Вот это да, – задумчиво кивнула Трейси. – Наверное, это потрясающее событие для человека, который понимает, о чем речь.

– Обложку для издания делал Джей Ли.

– Остановись, слышишь, не надо больше, у меня уже голова кругом идет.

– Кстати, у нее был новый пирсинг – витое кольцо, вдетое в нос. Я надеялся, что она подойдет к стойке, и одновременно молил бога, чтобы не подходила. Все равно я повел бы себя как последний идиот. Я уже перебирал в уме, что ей сказать – «Третий номер? Хороший вкус», – но, еще не заговорив, уже начал заикаться, путать слова, пролил кофе в кассу.

Трейси воздела руки ладонями вверх – так иногда изображают Христа на картинках (правда, без надкусанного тоста).

– Ума не приложу, в чем проблема? Пригласи ее на свидание, да и дело с концом. Что такого страшного может случиться?

– Вот-вот, – поддакнул я. – Скорее всего, она просто ответит отказом. Мучительное унижение на несколько секунд, потом много месяцев подряд будешь мысленно, лежа в постели, проигрывать этот позорный момент, всякий раз испытывая обжигающее смутение, и натягивать на голову одеяло, желая провалиться сквозь землю. Каждую секунду за прилавком будешь думать, придет ли она опять, и, когда она действительно придет, тебя парализует панический страх. Она зайдет купить какую-нибудь мелочь, и по ее скованному виду ты поймешь, что она помнит о твоей неудачной попытке сближения, тебя заколдобит, и, возможно, ты попробуешь сострить, но шутка получится плоской, и она бросит на тебя взгляд, в котором смешаются жалость, негодование и насмешка. Если повезет, ты удержишься на работе и не проведешь целый год в вязком полунебытии, заливая жалость к себе вином.

– Радужные перспективы ты ему нарисовал, нечего сказать.

– Так и будет. А ты говоришь – «что страшного может случиться». Господь свидетель, я должен уберечь Ру от коварного совета женщины. Отказ способен уничтожить даже самого сильного мужчину. Посмотри на нынешнего Ру и представь, что с ним будет, когда ему откажет девушка.

– Лучше точно знать, на каком ты свете, – начала Трейси.

– Ничего подобного. Нет ничего ужаснее, чем когда женщина твоей мечты отклоняет приглашение на свидание. Лучше, *намного* лучше не марать надежду активными действиями, или обманываться, или попросту мечтать о ней по ночам, предаваясь онанизму.

– Мы в кафе не одни, – заметил Ру.

– Ты – женщина. Ты не представляешь, что для мужчины означает быть отвергнутым. Я даже подозреваю, что ты из тех, кто способен отмахнуться – ах, какие пустяки. Когда мужчина делает попытку сблизиться и его отшивают, он становится калекой, а если его бросают... ну, тогда...

– Постой-ка! – вспыхнула Трейси. – Если ты на минуту заткнешь свой фонтан, я объясню тебе, что женщины тоже переживают, когда их бросают. Я помню, как меня однажды бросили, я была в полном шоке целых полтора месяца.

Мы с Ру одновременно взорвались хохотом.

– Вот и я о том же, – хлопнул я в ладоши. – Господин судья, опрос свидетелей на этом можно закончить. Полтора месяца! Мужчину можно счесть невероятно жизнестойким, если он оправится от травмы через *полтора десятка лет!* Женщине достаточно поплакать всласть, налопаться шоколада и позлословить с подругами пару вечеров, и все – жизнь продолжается.

А жизнь мужчины разрушается как карточный домик. То, что разведенные мужчины умирают раньше, – известный факт.

Трейси пожала плечами:

– Наверное, потому, что зарастают грязью.

– Смехотворное предположение, – покачал я головой. – Брось мужчину – и ты буквально убьешь его. До вас совершенно не доходит, как вы нам нужны. Даже когда мужчина заводит любовницу, он не может отказаться от жены. Мы крохотные, беспомощные, хрупкие существа.

– Ой, не надо. Вы меня уже достали своим трепом. Выходит, если бы не Урсула, ты бы давно помер? Такого я от тебя прежде не слыхала.

– Да... помер бы. И если мое утверждение верно даже относительно Урсулы, значит, оно абсолютно верно. Начнем с того, что Урсула строго пресекает любые мои попытки предаваться гедонизму. Не стой она надо мной как недремлющий страж, кто знает, в какие губительные наслаждения я мог бы погрузиться. Кроме того, Урсула не позволит мне сдохнуть, так как иначе некому будет гладить белье.

– Кажется, я еще не созрел, чтобы пригласить Женщину на свидание, – сказал Ру. – Спасибо вам обоим, что помогли выкристаллизовать эту мысль.

– Видишь, что ты наделал? – накинулась на меня Трейси.

– Неважно, – продолжал Ру. – Я бы и сам до этого дошел. Пэл, ты говорил, что тоже интересно провел время?

– Что? Ах да. Нас ограбили, ТСП уволился, и я теперь работаю вместо него. Короче, ерунда.

Вернувшись на работу, я решил, что пора переносить вещи. Пока я был диспетчером компьютерной группы, мой стол стоял на пятом этаже учебного центра, в офисе ИТ-поддержки. Однако мукзэпою как менеджеру группы полагался стол в офисе руководителей других групп. Рабочее место ТСП находилось между столами Дэвида Вульфа, начальника библиотечарей (или, как они сами себя называли, – держите меня – «интеллектуалов»), и Полин Додд, менеджера помощников библиотечарей.

Полин за столом не было, она торчала на заседании отдела, где обсуждалось, стаканчики какого типа следует использовать в комплекте с охладителем воды. Я давно мечтал посмотреть, как она ужом ползет на свое место. В ее части офиса нельзя было шагу ступить из-за нагромождения мягких игрушек, безделушек, искусственных цветов, дощечек с изречениями, купленных в магазине тысячи мелочей, и фотографий младенцев.

Дэвид, однако, был на месте. Обычно он приходил на работу в 7.30 утра (так говорили уборщики, сам я в такую рань еще переругивался с Урсулой из-за доступа в ванную) и не уходил до тех пор, пока сил не оставалось лишь на то, чтобы дотащить до машины.

– Значит, вы и есть наш новый мукзэпой?

– Пока не найдут замену.

– Но вы, конечно, тоже подадите заявление?

– Гм. Ну... да, наверное. Я так далеко пока не загадывал. – Я не врал. Загадывальщик из меня никудышный. Прошное поминать – это пожалуйста. – Должностные обязанности могут потребовать квалификации, которой у меня нет.

– Даже если квалификация есть и всем известно, что лучше вас на эту должность никого не найти, вас все равно могут не включить в список кандидатов, – с готовностью отозвался Дэвид.

У него явно была припасена история из личного опыта, и я быстренько свернул разговор в безопасную сторону:

– У ТСП была какая-нибудь система хранения документов? Я вижу здесь шкаф для папок, места для хранения много, вот только система не просматривается.

– Понятия не имею. Кажется, хаос его вполне устраивал. В конце концов, он не интеллектуал. Для небиблиотекарей учет – тяжкая обуза. Терри Стивен Рассел предпочитал вербальное общение. Он постоянно говорил по телефону, ездил на встречи с какими-то людьми, хотя трудно вообразить, какое отношение более половины из них имело к нашей работе. Он чаще меня встречался с деканами, несмотря на то, что интеллектуалами руковожу я, а не он. Сомневаюсь, – Дэвид впервые оторвался от расписания, над которым корпел, и поднял на меня глаза, – что он вел какие-либо записи.

Компьютер Терри никуда не делся со стола, но был девственно чист. Даже операционная система отсутствовала. Очевидно, перед уходом ТСП отформатировал жесткий диск. В наше время это обычное дело. Люди тратят столько рабочего времени на загрузку порнографии из Интернета или просмотр электронной почты, часто сомнительной с точки зрения закона, что, уходя, гораздо проще стереть на компьютере все одним махом. Поиск и удаление улик заняли бы целую вечность, не говоря о том, что такие манипуляции требуют определенных навыков. Но даже после процедуры полной очистки остается гнетущее чувство, что где-то что-то пропущено. Разумеется, как только работник увольнялся, его бывшие коллеги мушкетерским роем налетали на его компьютер, пытаясь выяснить, чем он, собственно, занимался. Отдел охватывала страшная досада, если на компе старины Боба не обнаруживалось картинок, разоблачающих тайный интерес коллеги к переодеванию в женское белье. Но факт форматирования компьютера уже сам по себе вызывал удовлетворение. Я любил готовить компьютеры к работе с нуля: деление диска на сегменты, установка «Виндоус», загрузка и запуск стандартных программ занимали почти весь день, требуя минимальных умственных усилий – лишь нажимая кнопку «продолжить» время от времени.

Я извлек загрузочную дискетку с драйверами накопителя на компакт-дисках – вещь настолько ценную в кругах айтишников, что некоторые из них испытывали оргазм от одного прикосновения к ней – и вставил ее в дисковод А. Перезагрузившись, я начал устанавливать операционную систему с компакт-диска. Пока диск жужжал и пощелкивал (на экране яркие надписи обещали, что после установки программы моя жизнь круто изменится, поскольку легкость выполнения некоторых операций превзойдет самые смелые мои ожидания), я рылся в наследстве ТСП.

Папки стояли вертикально только в верхнем, четвертом отделении шкафа. В остальных, если папки там вообще имелись, они были свалены в кучу. Я предположил, что наиболее свежие документы должны находиться на вершинах куч. Лежавшая сверху памятка во втором отделении (официальное напоминание о диспансеризации и проверке безопасности рабочих мест, на уголке рукой ТСП нацарапано «ага, щас») была не старше нескольких недель. Видимо, верхнее отделение содержалось в порядке, чтобы пускать начальству пыль в глаза, – папки были помечены наклейками с какими-то обозначениями. Через несколько секунд выяснилось, что система учета сводилась к банальному алфавитному порядку. Никакой информации из пометок типа «ГД – ДП» или «фид. 12/09/97» почерпнуть было невозможно. Несколько папок вообще оказались пустыми. В одной я нашел шоколадное яйцо «Кэдбери».

В ящиках стола – аналогичные джунгли, с той лишь разницей, что содержимое не относилось к работе. Там лежали старые музыкальные журналы, каталоги «Товары – на дом», билеты с автостоянок, квитанции на проявление фотопленки – мусор, который ТСП было лень донести до урны. Лишь в нижнем ящике обнаружилась вещь, которую туда положили, а не швырнули, – небольшой сверток с надписью «Для Пэла». Я ощупал пакет – так всегда полагается поступать со свертками. Смысл в том, чтобы заранее угадать, что там внутри, и, открыв, сказать «я так и думал» вместо «вот не ожидал». Вы отвергаете неизвестность и получаете в награду легкое разочарование, вымогая, таким образом, у жизни толику удовольствия. Я потискал пакет, потряс его около уха и, ничего не установив (на ощупь он был твердый, звуков не издавал), содрал клейкую ленту. Внутри было зеркало, обычное настольное зеркало, какие

разыгрывают на школьных лотереях и продают в магазинах, где любой товар стоит не дороже одного фунта. Сначала я подумал, что ТСП решил съязвить напоследок по поводу моего тщеславия, но он явно хотел сказать что-то другое. Прямо на зеркале фломастером было выведено: «Береги свою задницу. Терри». Я не знал, то ли мне смеяться, то ли пугаться.

Правильные телодвижения

Следующие полтора месяца я прожил схватившись за голову. Работа на двух должностях требовала хитроумного распределения времени. Постоянно приходилось жонглировать обязанностями, но, в конце концов, я внедрил свою собственную систему, после чего наступила полная неразбериха. Так и не успев освоиться с обязанностями мукзэпоа (я даже не закончил разбор перепутанных папок ТСП), я полностью забросил работу диспетчера компьютерной группы. В общем, все шло наперекосяк. Но пока человек хотя бы на шаг опережает катастрофу и полный завал, нельзя сказать, что он не справляется. И если вам удастся все время идти на шаг впереди катастрофы, думать о каких-то усовершенствованиях – чистой воды пижонство.

Объявление о вакансии мукзэпоа опубликовали. Кандидат «должен проявить себя как инициативный, увлеченный своим делом, коммуникабельный сотрудник», но я все равно подал заявление. Ведь в объявлении говорилось, что кандидат «должен проявить», а не «уже проявил», не так ли? Бывает, люди меняются, и даже к лучшему.

В бланк заявления полагалось вписать трех рекомендателей. Естественно, первым я вписал ТСП, хотя он как сквозь землю провалился и не отвечал на телефонные звонки. Под номером два и три назвал Трейси и Ру. Всем известно, что рекомендации, кроме самых щекотливых – от «последнего работодателя», – чушь собачья. Никому не придет в голову вписывать рекомендателя, если тот гарантированно не рассыплется в комплиментах. «Свой» рекомендатель может преспокойно врать как сивый мерин. Если возникнут осложнения, ему легко отвертеться: «Знаете ли, за то время, пока я был партнером его матушки по бриджу, кандидат ни разу не кидал меня, а тем более на двести тысяч фунтов. Откуда я мог знать?» Поскольку рекомендации – бессмысленная трата времени, почему бы не привлечь одного-двух друзей, готовых почесать языком в твою пользу?

Тем временем Урсула пребывала в состоянии, близком к сексуальной оттепели. У нее выступает на щеках румянец и учащается дыхание, даже если ей достается подарочный ваучер от ИКЕА, а тут – целый дом! Глаза Урсулы светились животной страстью с утра до вечера.

– Вот сорок самых лучших, – заявила она однажды после ужина и водрузила здоровенную стопку бумаг на подлокотник моего кресла, хотя любому, даже самому невнимательному, наблюдателю было ясно, что в этот момент я играл в «Теккен». – Я хочу, чтобы ты их просмотрел.

– Хорошо. Подожди минуту.

– Отлично. Даю тебе ровно минуту.

– Перестань. – Я бросил на подругу умоляющий взгляд. Ну не совсем чтобы «бросил взгляд», мне было не до того – боевые действия на экране развивались с ураганной скоростью, но все же я развернул в ее сторону плечи и голову настолько, насколько их можно было развернуть, не отрываясь от игры. Урсула, как всегда, выбрала неподходящий момент: на шкале здоровья оставался жалкий огрызок, а я пытался одновременно провести «кошачий выпад» и «кровавые ножницы».

– Знаю я твои минуты. Мы, успеем выспаться и спуститься к завтраку, а ты все еще будешь сидеть за компьютером.

Урсула – и это не субъективное мнение – совершенно лишена способностей к видеоиграм. Она абсолютная неумеха: во что бы ни играла, вечно паникует, переспрашивает, какая кнопка что делает, и отпускает нелепые комментарии вроде «так в жизни не бывает». Над Урсулой непростительно смеяться, как над увечной, и тот факт, что она не падает духом, но объявляет свои жалкие навыки в видеоиграх «средними», говорит о ее чрезвычайном мужестве. Я объяснил детям болезнь матери еще в раннем возрасте, иначе позже они бы сами заметили, и это могло стать источником неловкости и стеснения. Надо признать, дети не подавали

виду и терпеливо, раз за разом, объясняли Урсуле приемы и смысл той или иной игры. Дети, если им доверять, все могут выдержать.

Болезнь, однако, имеет побочные эффекты: Урсула не в состоянии воспринимать игру как единое целое. Дело не в дефектах зрения, она прекрасно различает этапы, однако у нее в голове не укладывается, что один этап игры органически вытекает из другого. Опять же, я страшно горд стойкостью моей подруги: окончательно запутавшись в каком-нибудь элементарном «ралли», она и виду не подаст, что расстроена. Недоразумения, тем не менее, возникают. Урсула, например, может брякнуть: «Прекрати немедленно. Ты играешь уже шесть часов». Она буквально не способна понять, насколько это не-воз-мож-но. Урсуле ничего не стоит выключить игру в тот момент, когда до звания чемпиона турнира осталось обойти двух соперников.

Зная о слабостях подруги и разделяя ее стремление найти новый дом как можно быстрее, я распрощался с «Теккеном» всего через пару часов и начал просматривать отобранные Урсулой варианты. Быстро выяснилось, что Урсула использовала единственный критерий отбора: все дома должны находиться в Северном полушарии.

Подруга сидела за столом в другой комнате, погрузившись в журнальную статью «Как с помощью новых занавесок сделать дом непохожим на самого себя». Чтение настолько ее поглотило, что Урсулы хватало только на то, чтобы очень, очень медленно перемещать ложечку с карамельным йогуртом от баночки ко рту и обратно.

– Насколько тщательно ты пропалывала варианты, что набралась такая куча домов?

– Я придумала свой метод поиска, отличный от твоего, чтобы не оказаться в такой же дыре. Задавала себе всего один вопрос: «Можно ли в этом районе ночевать без роты охраны?» И если ответ был «нет», исключала объект из списка. Понимаю, для тебя это непривычно, но давай попробуем действовать по моей системе, а?

– Существует большая разница между поисками дома в районе лучше нашего и попытками равняться с Иваной Трамп.¹¹ Ты только глянь на этот дом... – Я поднял лист бумаги так, чтобы из-за него были видны только мои вытаращенные глаза. – За такую сумму можно всю нашу улицу купить.

– Ты бы, наверное, так и поступил, будь твоя воля.

– Этот дом нам не по карману. наших сбережений даже не хватит на достаточное количество наркоты, чтобы приглючилось, будто этот дом стал нам по карману.

– За осмотр денег не берут.

– Постой-постой, ты хочешь сказать, что выбирала дома только для того, чтобы посмотреть на них?

– Мржет, какие-нибудь идеи появятся...

– У меня одна уже появилась.

– ...или примеры для сравнения. Как понять, чего мы хотим, если нам не с чем сравнивать?

– Прежде всего, не впадать в безумие, если, конечно, такой подход тебя устраивает. И вообще, о чем ты говоришь? Будто мы домов раньше не видели. Я бывал во многих домах. У меня друзья в домах живут.

– Это не то же самое.

– Почему же?

– Мы не покупаем их дома.

– Этот дом, – я указал на листок с рекламой северо-западной резиденции графа Глостерского, – мы тоже не покупаем. Кроме того, поиграть в покупку можно и в доме друзей. Позволим каким-нибудь знакомым, попросим назначить время, скажем, что их недвижимость нас заинтересовала, можем даже съездить туда, поглазеть с улицы на ворота.

¹¹ Чешская фотомодель, которая вышла замуж за манхэттенского «короля недвижимости» Дональда Трампа.

– А не взять ли мне эту ложку и не дать ли ей тебе по балде? Хорошо, тебе не нравится ни один выбранный мною дом. Но для того я и дала тебе варианты – чтобы ты посмотрел, а потом мы обсудим их, как делают все супружеские пары. Но если ты собираешься отмахнуться не глядя, тебе придется найти чертовски уважительную причину.

По тому, с какой энергией Урсула обсасывала ложку, отчего у меня возникали невольные эротические ассоциации, я понял, что она не уступит ни пяди. Ворча, я сгреб в охапку бумаги и плюхнулся в кресло.

Все объявления риелторов одинаковы: описание и размеры, комната за комнатой, и крошечное фото фасада. Если прежние жильцы вытворяли что-либо неумное и экстравагантное с жилой комнатой, прилагалось еще и фото интерьера. Урсуле явно нравилось прочесывать эту муру страницу за страницей. Я же, пытаясь угадать, который из домов выкрадет мой бумажник, чувствовал себя как на очной ставке с грабителем.

– Вижу, вы подали заявление на должность мукзэпоа? – Бернارد подкрался сзади, когда я пытался слямзить чей-то пакетик чая в общей комнате.

– Да. – Я постарался произнести это как можно более непринужденно, – Думаю, так будет лучше. Пора продемонстрировать, что я заинтересован в карьерном росте и не собираюсь останавливаться на должности диспетчера. (Бернارد кивнул.) Нет, я, конечно, доволен своей работой. (Бернارد опять кивнул.) И не считаю работу диспетчера... э-э-м... бесперспективной... – Мне захотелось сжечь свое заявление и рассыпаться в извинениях за причиненные неудобства.

– Вам известно, что мы будем проводить собеседование не только с внутренними кандидатами? Данная должность для нашего учреждения очень важна.

– Но ведь в последнее время собеседования с кандидатами в мукзэпои проводились только среди местных сотрудников, не так ли?

– Да, так.

– И зарплата на этой должности абсолютно такая же, как на любой аналогичной должности во всем университете?

– Верно.

– Понятно.

– Я не сомневался, что вы поймете. Мы действительно настолько высоко ставим эту должность, что, несмотря на равную зарплату, решили больше не давать преимуществ местному персоналу.

– Из ваших объяснений (с каким бы удовольствием я уронил Бернardu на ногу свинцовый аккумулятор) мне стало совершенно ясно, насколько значительна эта должность.

Бернارد глубоко засунул руки в карманы и улыбнулся. Я выловил чайный пакетик из кружки, швырнул его в мусорное ведро, но промахнулся. У пакетика был загнутый, но не запечатанный верх – я слишком поздно это заметил, – он ударился о стену, оставив бурую кляксу, потом медленно сполз на пол, прочертив влажную полосу из чайной крошки. Я почувствовал себя хамом, бросившим в белоснежную стену кусок дерьма.

– Пойду тряпку принесу.

Дом.

– Это мой муж Тони.

Костлявый Тони с негнушимися ногами сидит в инвалидной коляске и смотрит футбол по телевизору, тем не менее, приветственно машет нам рукой. Он – явный приверженец не слишком изысканного сочетания стопроцентно нейлоновой футболки и пивного пуза. Пузо у него не обвисшее, но крепкое и гладкое, оно растет быстрее, чем кожа, его обтягивающая. Если подойти и щелкнуть по такому средним пальцем, оно загудит, как хорошо надутый мяч. Я,

словно околдованный, не могу оторваться от туго натянутой футболки с крохотной вмятиной, которая обозначает пупок.

В комнате на первом этаже помещаются не только Тони и телевизор, но также музыкальный центр с дверцами из дымчатого стекла (я бросил взгляд на компакт-диски – сплошь дешевые сборники) и стенка, набитая кубками, щитами и призовыми статуэтками под золото, изображающими игроков в бильярд, а также аквариум с тропическими рыбками и два массивных пластмассовых сундука – очень полезные штуковины, когда за две секунды до прихода гостей нужно сгрести с пола и засунуть куда-нибудь детские игрушки. Комната большая, спору нет, но только одна. Отсутствие других комнат на первом этаже не очень устраивает нас с Урсулой. Когда очередная ссора достигнет апогея и кто-нибудь выскочит из комнаты, решительно и бесповоротно хлопнув дверью, возвращаться назад всего через несколько минут, чтобы посмотреть телевизор, – довольно пошлый расклад.

Урсула с женой Тони осмотрели кухню и, щебеча, поднимаются по лестнице. Завороженный созерцанием чужого пупа, я не трогаюсь с места, но потом, опомнившись, бегу следом.

– Это ванная комната. Нагреватель воды вот здесь, в шкафу.

– Сколько ему лет? – спрашивает Урсула.

Жена Тони чуть наклоняет голову в направлении двери:

– Тони-и-и?! Тони-и-и, сколько лет нашему нагревателю воды?

Снизу отчетливо доносится раздраженное «нэзаю». Жена Тони смотрит на нас.

– Если честно, я даже не помню. Лет десять, наверное. Вот здесь... хозяйская спальня.

Кошмар! Нет, правда кошмар.

– У дальней стены – встроенные шкафы, вот. Мы там одежду держим... Дайте мне пройти... Да, наверху есть чердак, мы храним там всякую всячину.

– А изоляция там какая?

– Я туда сама не заглядываю. Тони-и-и! Тони-и-и-и-и! Какая изоляция на чердаке?

– Че? Нэзаю. Какая-то есть... Глянь... – Рев толпы из телевизора заглушает его слова, и Тони взрывается: – Ах ты козлина!

– Похоже, он тоже не знает. Можно посмотреть, если хотите. Здесь – детская.

Женщина открывает дверь, за ней – два пацана лет девяти-десяти. Один руководит сражением между солдатиками, гоночными машинами, суперменами, роботами и динозаврами, другой читает журнал «Покемон», лежа в кровати на животе и согнув ноги в коленях; перелистывая страницы, он медленно постукивает одной ступней о другую.

– А-а-а, – говорю я. – Мои сыновья тоже любят «Покемон».

Мальчишка поднимает на меня глаза:

– И что?

– Как видите, здесь можно без труда разместить две детские кровати... Дайте мне пройти. Запасную комнату покажу.

В комнате хранится велоэргометр и кипы старых журналов. Урсула указывает на угол у окна, где на стыке стены и потолка пролегла извилистая трещина.

– Там трещина. У вас проблемы с перекрытиями?

– Знаете, я ее раньше не замечала. Тони-и-и. Тони-и-и-и-и. Давно у нас эта трещина?

– Нэзаю... Какая трещина?

– В запасной комнате есть трещина.

– В стене?

– Да.

– Нэзаю.

Хозяйка снова поворачивается к нам:

– Ну, я не в курсе, сколько она уже там, но в целом неприятностей с домом не возникало. Пока мы здесь жили, ничего не отвалилось, ха-ха-ха!

Я тоже смеюсь из вежливости и чувствую на себе взгляд Урсулы, говорящий: «Сдурел?» – но решаю не встречаться с ней глазами.

– В гараж заглянете?

Мы отвечаем «да». В гараже обнаруживается машина.

– Вот видите, – говорит жена Тони, – машина помещается.

Мы с хозяйкой опять хихикаем, Урсула опять смотрит с прищуром.

Когда мы выходим на улицу, нам машет сосед. Ему лет пятьдесят, рукава закатаны до локтей, вскапывает клумбы с цветами.

– Приезжали дом смотреть?

– Так точно.

– Хорошо, хорошо. Вы вдвоем и больше никого?

– У нас два малолетних сына.

– О-о, хорошо. Поскорей бы сюда вселилась другая семья. А то жена говорила, что вчера какие-то черномазые приезжали смотреть. Не хотелось бы, правда? От соседей многое зависит.

– Да, – отвечаю я, – еще как зависит.

Дом.

– Давно дом выставлен на продажу?

Риелтор поигрывает ключами от машины.

– Его только-только подготовили для осмотра. Здесь раньше одна старушка жила, умерла в ванне...

– В этой самой ванне?

– В ней. Несколько недель пролежала, пока соседи не всполошились из-за вони. Уборки, конечно, было много. Потом владельцы ждали, пока следствие закончится. Тут еще один квартирант жил, но он, похоже, смотался задолго до трагедии. Никто не видел его уже несколько месяцев. Мансарду хотите посмотреть?

– Нет.

Дом.

– Вы в связке? – спрашивает женщина в спортивных штанах и шлепках.

– В связке? Какой? – хмурится Урсула.

– Имеется в виду, ждем ли мы, пока продадут наш дом, и ждут ли наши покупатели, пока продадут их дом и так далее, – поясняю я. – Нет, мы не стоим в очереди. Мы фактически выплатили ссуду. Нам не требуется ждать продажи дома, чтобы купить новый. Фактически мы могли бы сдавать свой дом в аренду.

– Могли бы? – переспрашивает Урсула, стреляя в меня глазами.

– Нашла время, – с улыбкой говорю я ей по-немецки.

– Тогда ладно. А то у меня из-за этих связок продажи срываются. Уже двенадцать раз так было. Я теперь на таблетках живу.

– Мы могли бы войти? – спрашивает Урсула.

– А вы точно не в связке?

– Нет.

– Ну, тогда заходите.

Нас ведут через укороченную прихожую.

– Это – кухня. Я... ой, простите, наверное, лучше по одному заходить. Видите, все, что нужно, – прямо тут, под рукой.

– Дверь выходит во двор?

– Да. Но я ей не пользуюсь. Если хотите осмотреть двор, надо выйти через парадную дверь и пройти по дорожке. Тут... простите... тут у нас гостиная, где мы сидим и смотрим телевизор.

– Кажется, раньше здесь были две комнаты?

– Похоже на то. Когда я поселилась, уже так и было, но на потолке видно, где была красная краска, а где желтая, не правда ли? Наверное, по этой границе раньше проходила стена.

– Да-да.

– Наверху смотреть будете?

– Будем.

– Хорошо. Ступайте за мной. Осторожнее с этой вазой. Она из Португалии. Направо... Направо... Нет, это – лестничная площадка. Это – туалет.

Я берусь за ручку, но женщина застывает мне дорогу:

– Мне не хотелось бы, чтобы вы туда заглядывали.

– Как скажете.

– А это – спальни.

– Три спальни?

– Да. Вернее, две и кладовка. Но в кладовке поместится еще одна кровать, не слишком широкая.

Урсула сует голову внутрь и смотрит.

– Если здесь поставить кровать, дверь не откроется.

– Дверь можно снять с петель.

– А окна? Рамы не двойные?

– Нет, не двойные. Не собралась их установить.

– Спасибо, что показали нам дом. – Мы начинаем спускаться по лестнице. – Он очень милый.

– Номер риелтора у вас есть, верно?

– Да. В офисе нам сказали, что перезвонят в понедельник узнать, что мы надумали.

– Я цену не сброшу, – добавляет хозяйка, открывая нам дверь.

– Нас предупредили.

– Тогда ладно.

– Тогда ладно.

– До свиданья. Спасибо.

– До свиданья. Буду ждать звонка в понедельник.

Мы улыбаемся друг другу, она закрывает дверь, мы уходим. Урсула целеустремленно вышагивает по тротуару. Я заглядываю ей в лицо:

– Мне понравилось.

– В машину!

Дом.

– Скрывать не стану, – агент поигрывает ключами, – потребуется небольшой ремонт.

Дом.

– Мистер Ричарде? Здравсьте, я – Пэл, это – Урсула, мы пришли посмотреть дом. Извините, мы немного рано, но мы заметили машину перед домом и подумали, что... Мы можем вернуться через десять минут...

– Нет, ничего. Проходите.

Входим, нам показывают гостиную. Там, где раньше на стенах висели картины, остались прямоугольники более яркого цвета. Комната имеет скорбный, задумчивый вид, какой всегда бывает у жилища, покинутого прежними обитателями со всеми их пожитками, но состояние у нее довольно приличное. А вот у мистера Ричардса оно так себе. Он одет в костюм, но сдается, что костюм надели еще месяц назад, да так и не снимали. Трехдневная щетина, под глазами черные мешки от бессонницы.

– Гостиная, – произносит мистер Ричардс, широко разводя руки и потом соединяя их с хлопком. – Центральное отопление, как видите. Центральное отопление во всех комнатах.

– Когда провели? – интересуется Урсула.

– Лет десять назад, как раз накануне нашей первой зимовки в этом доме... Да... Но техосмотр проводили каждый год. Все работало исправно. Да. А что ему сделается. Идем дальше?

– Мы за вами.

Мистер Ричарде вводит нас в следующую комнату. Между створчатыми окнами до пола, выходящими в запущенный сад, втиснут на редкость противного вида камин.

– Столовая. Как видите, есть камин, уют придает.

– Да, здесь очень уютно.

– Комната не такая большая, как гостиная, но вполне приличного размера.

Урсула смотрит в окно на траву, вымахавшую под три метра.

– Давно выехали отсюда?

– Да. Несколько месяцев назад. Сейчас живу с братом и его семьей, пока квартиру себе не подыщу. Этот дом надо продать, чтобы поделить деньги, – раздел имущества по разводу.

– Вот как, – оживляется Урсула, и у меня холодеет в желудке. Не просто холодеет, температура внутри мгновенно падает на двадцать градусов Цельсия.

Обычно я забываю, что Урсула – немка. Честно говоря, мы редко ходим на званые ужины и официальные приемы, поэтому ее немецкий этикет, подразумевающий вопросы в лоб, не часто дает о себе знать. Слово «такт» и по-английски, и по-немецки звучит одинаково. Однако, несмотря на внешнее сходство, между этими словами такая же разница культур, как между периной из гусиного пуха и блицкригом. Я смотрю на Урсулу в упор, на ее заинтересованное лицо, пытаюсь хоть что-то вымолвить. Рот Урсулы неумолимо раскрывается.

– По разводу? А из-за чего развод?

– Я... э-э... мы с женой расстались около восьми месяцев назад.

– Нет, я хотела спросить, это вы подали на развод или она? Или вы вместе?

Мистер Ричарде кашляет. Я прихожу в себя и задираю руку:

– Кухня – вон там, говорите?

Мистер Ричарде не замечает намека.

– Подавали совместно. Хотя где там совместно – она спуталась на работе с каким-то обормотом, ха-ха-ха. У них это, очевидно, продолжалось черт знает сколько времени. Сука. Но написали, что «не сошлись характерами», чтобы все было цивилизованно, без ребячества.

– Кухню можно посмотреть?

– Не думаю, что ей следовало раздвигать ноги перед любым прохиндеем, заскочившим на пару минут, в этом вопросе мы с ней точно не сходимся.

– Извините, – искренне произносит Урсула. – Наверное, очень тяжело, когда брак распадается таким образом. Особенно для вас, ведь вам вдобавок нанесли сексуальное оскорбление.

Следующие двадцать минут я брожу по дому, охваченный животным ужасом, и поэтому ничего вокруг не вижу. На выходе Урсула морщит нос и сетует на отсутствие гаража, поэтому цену мы не предлагаем.

Ру и Трейси застолбили столик в кафе «У Патрика»; при моем появлении Ру выжидательно уставился на меня.

– Что на свете звучит приятнее всего? – спросил я.

– Когда шикарная женщина ругается матом. Э-э, а ты знаешь, что на тебе костюм?

– Тихо. У него сегодня собеседование. – Потянувшись вперед, Трейси постучала Ру по лбу.

– Ах да. Должность ТСР. Ладно, в виде моральной поддержки оплачу твой обед.

– Господи, как ты можешь говорить о еде? У меня сейчас не желудок, а сушильный барабан.

– Ха! Значит, не придется позориться и занимать у тебя же деньги. Как насчет чашки чая?

– Чай сгодится.

– Трейси, купи бедняге чашку чая, а?

Трейси, не моргнув глазом, пододвинула мне чашку Ру.

– Я слышала, что у тебя есть шансы.

– Правда?

– Ага. Расслабляться не стоит, но говорят, кандидаты со стороны не шибко хороши.

– Откуда ты это взяла?

Трейси пожала плечами:

– Здесь кадровички недавно пирожки покупали.

– Отлично. На то и расчет: на такую говенную зарплату гарантированно позарятся только придурки.

Ру кивнул:

– И тогда ты сможешь сказать: «Видите, я – такой же придурок, как они, но хотя бы знаю, где что лежит».

– Это и есть мой козырь.

– Ты возьмешь свое, – улыбнулась Трейси.

– Да-а, они и так знают, что с колен ты уже не поднимешься, кроме того, это всего лишь айтишная должность, и ты ее уже занимаешь.

– Занимать-то занимаю, но моя квалификация выглядит бледно.

– В этом костюмчике ты и сам выглядишь жутко, но тебе же плевать.

– Было плевать, пока с вами не встретился... Загвоздка в том, что у меня нет компьютерного образования, вместо него диплом по социальной географии – обхохочешься.

– Что будешь говорить, если тебя спросят про диплом? – любопытствовала Трейси.

– Молюсь и богу, и дьяволу, чтобы не спросили.

– Все будет нормально. Придешь сюда завтра уже ИТ-менеджером.

– Мукэпоем, – поправил я.

– Какая разница. Шишкой, короче, и мы тебя зауважаем, как никогда прежде.

– Как никогда, говоришь?

– Ага.

– На собеседовании сразу падай на брюхо и начинай пресмыкаться. У тебя это хорошо получается, уж мы-то знаем, – ободрила Трейси.

После зажигательных речей Трейси и Ру я рвался в бой, но на подступах к кабинету, где проводилось собеседование, меня остановили – предыдущая кандидатка еще не вышла. Отведенное ей время уже истекло, а она все еще торчала внутри, отчего я исходил желчью. Более того, она смеялась! Я мог наблюдать за ней и группой начальства сквозь стеклянную перегородку офиса. Смеются, падлы. Наверное, отпустила обалденную шутку – всем угодила. Не иначе, надо мной гогочут. Они смеялись, все больше проникаясь симпатией друг к другу, проникаясь симпатией в ущерб мне, а я сидел за дверью в дурацком кресле, от которого потел зад, и пытался читать журнал по менеджменту.

Кандидатка была явно не из местных. В университете я ее точно никогда не встречал. Темные волосы затянуты в хвостик в беспардонно откровенной попытке продемонстрировать «практичность». Темно-синий костюм с короткой юбкой и неброские черные туфли.

А ноги у нее ничего.

Дав кандидатке достаточно времени рассказать про свой опыт, личные качества и родословную начиная со времен крестоносцев, начальство переглянулось, мол, «еще вопросы будут?», намекая, что обмен знаками братской любви пора заканчивать. Вот они уже встают с мест, вотжимают руки, улыбаются: «Надеюсь, мы еще увидимся». Ага, щас, вали отсюда, зараза. Кандидатка вышла из кабинета твердым шагом, мазнув по мне пустым взглядом, в котором я тут же уловил насмешливое презрение. Посмотрела так, словно видела, как взмокли и врезались в зад мои трусы.

На этом дело не закончилось. Призрак кандидатки еще минут десять витал в кабинете, пока начальство кивало головами и что-то записывало, но вот меня спросили, не угодно ли зайти.

Собеседования при устройстве на работу – исключительная мерзость, а для местных кандидатов мерзость особенная. Для начала, нельзя прибегнуть к фальшивому многословному самовосхвалению, которое и составляет тактику поведения на собеседовании, ведь всем прекрасно известно, что ты за фрукт. Остается делать вид, что все твои прежние выходки – лишь беззлобная невинная шутка. Кроме того, ты облачен в костюм, на который все утро страшно боялся что-нибудь пролить, но ухоженный вид не помогает, ведь все помнят, что на работе ты обычно напоминал кочан салата недельной свежести. Кандидат приговорен носить костюм, ибо он обязан показать, что ему «не безразлична собственная судьба». У меня имелся всего один, и надевал я его исключительно на собеседования и похороны. Выбор галстука определялся тем, хоронил ли я кого-нибудь или кто-нибудь пытался похоронить меня.

Начальство на собеседовании состояло из Бернарда Доннелли, Кейта Хьюза (он заправлял хоз-службой отдела и был вторым по должности после Роуз Варчовски) и женщины из отдела кадров, которую специально посадили задать вопрос о «равных возможностях».

– Садитесь, – Бернард жестом указал на кресло по другую сторону стола. – Ну что ж, Пэл. Меня, я надеюсь, вы знаете...

Мы оба немного посмеялись этой остроте.

– А вот Кейт Хьюз, старший администратор службы поддержки учебного процесса, – кадры, постройки, канализация...

Обоюдный легкий поклон. Старыми знакомыми, как с Бернардом, мы с Кейтом не были, однако иногда сталкивались в коридорах, а то и вступали в неловкие беседы.

– И, наконец – делу венец (все опять засмеялись), Клер Макмиллан из отдела кадров.

– Хорошо, – начал Кейт. – Не могли бы вы немного рассказать о себе? Что для вас главное, почему вы заинтересованы в этой должности и так далее.

– Да, конечно.

– Тогда мы вас слушаем.

Начальство сидело к окну спинами. День выдался пасмурный, но густое белоснежное облако, которое заволокло небо целиком, создавало мерцающий световой фон. Глаза у меня специально приспособлены, чтобы смотреть телевизор в три часа утра практически в полной темноте, и вдруг мне почудилось, что я попал на встречу с инопланетянами из «Ближних контактов третьей степени».¹² Обнаружив, что щурюсь, как мистер Магу,¹³ я заставил глаза открыться пошире. Рот неизвестно почему тоже открылся. Я и сказать еще ничего не успел, а они уже что-то черкали в блокнотах. Представляю, что они там понаписали. Что-нибудь вроде: «Несомненно одержим бесами».

– Прошу прощения, нельзя ли опустить жалюзи? – спросил я.

– Э-э, да, пожалуй... – Кейт подошел к окну и дернул за веревочку.

– Большое спасибо. Просто свет очень яркий.

– Яркий? – переспросил Кейт таким тоном, будто хотел сказать: «Я так не считаю».

– У вас что-то не в порядке с глазами? – поинтересовалась Клер Макмиллан.

– Нет.

– Нет?

– Нет. Я... э-э... закапываю атропин. Ну, знаете, от него зрачки расширяются. Его используют при проверке зрения.

– Вы недавно проверяли зрение?

¹² Фильм Стивена Спилберга, классика мирового фантастического кино (1977)

¹³ Близорукий герой популярного мультсериала

- Нет, не проверял. Я лишь сказал, что атропин используется при этой процедуре.
- А зачем вы его капаете?
- Я... Я страдаю чрезмерным слюноотделением. Атропин сдерживает выделение слюны.
- Да? Вот не знала.
- И пота тоже. И слюны, и пота. Средство от тысячи хворей, ха-ха-ха.
- Понятно, – сказала Клер.
- Очень интересно, – добавил Кейт.
- Ну, знаете, как это бывает: ой, что-то слюны многовато набралось. И приходится бежать

за атропином.

Все трое медленно кивнули. Очень медленно.

– Но пока с глазами все в порядке... да, в порядке... я... Ладно, немного о себе. Я уже довольно давно работаю здесь диспетчером компьютерной группы, а последние несколько месяцев исполняю вдобавок обязанности мукзэпоя...

– Позвольте вас перебить, – перебил Кейт. – Судя по резюме, вы получили образование в области социальной географии. У вас нет квалификации в ИТ. Не мешает ли вам это работать мукзэпоем?

– Рад, что вы задали этот вопрос, Кейт. По сути, я считаю, что отсутствие у меня компьютерной «квалификации», – я изобразил кавычки пальцами, мысленно прощаясь со своей бессмертной душой, – на самом деле является преимуществом.

– Каким же образом?

– Извините, в каком смысле «каким образом»?

– Ну, в смысле, как это может быть преимуществом?

Я с готовностью кивнул:

– Считаю, что, работая мукзэпоем, легко погрязнуть в технических вопросах. Однако выполнение общих задач, поставленных перед отделом, представляется нам, естественно, более важным.

Я понятия не имел, как эти задачи были сформулированы в «Программе отдела», но знал, что Кейт приложил руку к их составлению. Он немедленно затряс головой в знак согласия – я попал в цель. Бернард затряс головой еще пуще Кейта. Потом я взглянул на Клер – та только оттопырила нижнюю губу: мол, вам виднее. Поймав кураж, я продолжал:

– Опасность... настоящая опасность (тоже мне «настоящая», ох, гореть мне в геенне огненной) состоит в том, что мукзэпой способен отвлечься на практические вопросы и упустить из виду осмысленное и инициативное проведение всеобъемлющей стратегии. Я полагаю, что меньше других рискую угодить в эту ловушку, потому что благодаря полученному образованию сумел избежать излишней сфокусированности на механистичном аспекте компьютерных технологий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.